Кондратий

БИРКИН

Вредности и фаворитки

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Кондратия Биркина (П.П.Каратаева), практически забытого русского литератора, открывает перед читателями редкую возможность почувствовать атмосферу дворцовых тайн, интриг и скандалов России, Англии, Италии, Франции и других государств в период XVI–XVIII веков.

У Франциска I знаменитое: «Все пропало – кроме чести» (о чем мы уже говорили с читателем); у Людовика XIV: «Государство – я» (l'etat – c'est moi) и «Нет более Пиренеев» (il n'y a plus de Pyrenees); у Генриха IV, самого популярного из трех, – обещание курицы в суп беднейшему из своих подданных. Эту курицу ближе всего можно сравнить с газетной *уткой;* не дождался ее, да едва ли когда и дождется бедный холостяк, геральдический французский петух.

- Кондратий Петрович Биркин
  - ○
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13
  - ○ 14
  - ○ 15
  - ○ 16
  - ○ 17
  - ○ 18
  - ○ 19
  - ○ 20
  - ○ 21
  - ○ 22
  - ○ 23
  - ○ 24

- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27

Кондратий Петрович Биркин
Генрих IV

Госпожа де Сов. – Фоссеза. – Прекрасная Коризанда. – Габриэль д'Эстре. – Генриэтта д'Антраг. – Шарлотта Конде

(1573–1610)

Любовь есть страсть, которой все прочие обязаны повиновением.[1]

Если читателю угодно иметь самое верное понятие об изменчивом и разнообразном образе правления, установившемся во Франции с 1789 года, ему стоит только представить себе стенной барометр с циферблатом, на котором слова: *великая сушь, ясно, переменно, буря* заменены символами республики, империи, королевской власти деспотической и ее же конституционной, – фригийский колпак и красное знамя; орел и знамена трехцветные; петух и белое знамя с лилиями, – опять трехцветные знамена и скрижали конституционной хартии. Более или менее продолжительная остановка стрелки этого политического барометра (вместо ртути налитого не менее живою французской кровью) в прямой зависимости от терпения великой нации, а может быть, даже и от перемен погоды, судя по тому, откуда ветер подует. Устроен этот барометр около сотни лет тому назад, но, по-видимому, прослужит Франции еще многие лета. Роковая стрелка на *республике*– Франция поет «Марсельезу» и строит баррикады; с политической революционной бури стрелка переходит на хорошую погоду *империи* – и Франция в медвежьей шапке наполеоновского гвардейца грозит Европе, напевая: «l'astre des nuits» или «partant pour la Syrie».[2] Но вот наполеоновский орел (хотя и прирученный куском говядины в шляпе) мало-помалу становится для Франции прометеевским коршуном; он клюет ей печень, высасывает из нее самые лучшие соки – и барометр падает, стрелка показывает перемену. Действительно перемена – костюмов и декораций! Франция меняет орла на петуха, трехцветное знамя на белое, заветный N и золотых пчел – на золотые лилии и поет другую песню: «Vive Henri IV…» Надоедают ей, однако, и песня, и лилии, и петух, и белые знамена; видит Франция, что правление Бурбонов– видоизменение наполеоновского капральства, и добывает откуда-нибудь нового короля из запасной орлеанской династии; короля – либерала на словах, деспота на деле, и… после засухи деспотизма опять является буря на французском барометре.

Кроме знамен, гербов и символов, у каждого образа правления свой кумир. У легитимистов, любителей королевской власти во вкусе renaissance, три идола – вроде индийских Брамы, Вишну и Шивы; трое королей-волокит, к которым легитимисты питают религиозное благоговение, окружая их мишурными ореолами незаслуженного величия – Франциск I, Генрих IV и Людовик XIV. У каждого из этих трех кумиров своя фраза, если не бессмертная, то бессмысленная…

У Франциска I знаменитое: «Все пропало – кроме чести» (о чем мы уже говорили с читателем); у Людовика XIV: «Государство – я» (l'etat – c'est moi) и «Нет более Пиренеев» (il n'y a plus de Pyrenees); у Генриха IV, самого популярного из трех, – обещание курицы в суп беднейшему из своих подданных. Эту курицу ближе всего можно сравнить с газетной *уткой;* не дождался ее, да едва ли когда и дождется бедный холостяк, геральдический французский петух. Фраза Генриха IV превращается даже в ядовитую иронию, если вспомнить, что этот добрый король, осаждая Париж, морил его голодом. Хлеб, который он будто бы посылал осажденным, взращен в воображении поэтов и льстецов историков. Ничего подобного не было; парижане во время осады с мая по сентябрь 1590 года вместо хлеба питались лепешками из толченого грифеля с примесью муки из костей скелетов, отрытых на городских кладбищах (pain de Madame de Montpensier);падаль почиталась лакомством; до ста тысяч человек умерло от голоду и эпидемий; вследствие тления непогребенных трупов в Париже появились ядовитые змеи…[3] Незлопамятный народ французский, позабыв о голоде, которым его морил Генрих IV, помнит только курицу, им обещанную; народ-фразер за красное или «жалостное» словцо прощает многое, и курица Генриха IV мила французам не менее наполеоновского орла, и король велик, бессмертен, незабвенен. В Генрихе каждый француз видит себя самого; Генрих – тип истого сына великой нации и вследствие этого – *велик!*

Немного же надобно, чтобы во Франции удостоиться титула *великого.* Мы, однако, не можем примирить величия с теми пороками, которыми природа оделила Генриха IV в пропорции бочки дегтю к ложке меду. Его двоекратное отречение от кальвинизма, трусость, нетвердость в слове, плутоватость в игре, чтобы не сказать – склонность к воровству, наконец, сластолюбие, доходившее до забвения достоинства и человеческого и королевского, – все эти свойства характера Генриха IV с истинным величием как-то плохо ладятся! А чтобы читатель не счел наши слова за клевету, укажем на факты, записанные историей.

Трусость Генриха доказывается не бегством его из Парижа, не прятками его во время Варфоломеевской резни – она обнаружилась в битве при Иври 14 марта 1590 года, когда на будущего победителя напал панический страх, почти лишивший его возможности держаться в седле. Ударяя себя кулаками под бока, Генрих твердил сквозь зубы, щелкавшие от лихорадки: «Вперед, вперед, поганый одер!» (Avance, avance done, vilaine carcasse!). Легко может быть, что и настоящие герои внутренне праздновали труса в сражениях, но только этого не выказывали.

В нетвердости в слове Генриха уличают его письменные обещания любовницам Габриэли д'Эстре и Генриэтте д'Антраг жениться на них, чего, благодаря стараниям Сюлли, исполнено не было. Обольщать женщин подобными обещаниями неприлично даже какому-нибудь писарю или денщику, королю же, и тем более *великому*… странно!

Забавляясь карточной игрой, великий король не только плутовал, но – без околичности – крал чужие ставки со стола. Однажды, играя с Бассомпьером, Генрих подменил выигранную маршалом кучу пистолей таковою же, составленною из полупистолей. Заметив этот подлог, Бассомпьер выбросил весь свой выигрыш за окно стоявшим в карауле солдатам, заменив ее на игорном столе новой, из собственного кармана. Свидетельница этому Мария Медичи сказала Генриху: «Вы с маршалом поменялись ролями: он отлично представил короля, а вы – простого солдата!» Тому же Бассомпьеру, частому своему партнеру, король не один раз говаривал: «Хорошо, что я король, а то за мою нечистую игру быть бы мне давно на виселице!»

Это признание, конечно, делает честь откровенности Генриха IV, но сами плутни не делают ему чести… Снимите этого великого короля с плеч его живого пьедестала – истинно великого, благородного Сюлли, – и перед вами явится самый обыкновенный человек; но в этом-то и вся заслуга Генриха… Да, он был *человеком* на троне после двух демонов, Карла IX и Генриха III, руководимых достойной их матерью, Екатериной Медичи. Мученическая смерть Генриха от руки Равальяка, бесспорно, примиряет до известной степени с его жизнью, но кровь короля, во всяком случае, не может смыть многих грязных страниц истории его царствования. Именно об этих страницах мы и поговорим теперь; поговорим беспристрастно – не оправдывая, не обвиняя. Перед нами теперь Генрих IV – живой, но не умерщвленный Ра-вальяком и через сто восемьдесят три года (1793) не исторгнутый яростной чернью из своей могилы в Сен-Дени – страница неизгладимо позорная в истории французского народа!..

В моцартовском Дон-Жуане Лепорелло, перечисляя жертвы своего господина, развертывает саженный свиток, представляющий в итоге 1003 (milla e tre). Точно таким же – хотя и менее баснословным – списком приходится и нам начинать наш очерк сердечных подвигов державного французского Дон-Жуана. *Пятьдесят шесть!* – произносим мы голосом Лепорелло; имена же фавориток следующие.

1573–1576: 1) *Шарлотта де Бон-Самблансе – госпожа де Сов – маркиза Нуармутье* (Charlotte de Beaune Samblan§ay, dame de Sauve, marquise de Noirmoustier); 2) Жанна дю Монсо де Тигонвилль, впоследствии графиня Панжа (Jeanne du Monceaux de Tigonville, comptesse de Pangeas).

1578: *3)* Дайэлла, фрейлина Екатерины Медичи, гречанка-киприотка; 4) в Ажене: Екатерина дю Люк; 5) Анна де Бальзак де Монтэгю (Anne de Balzac de Montaigu); 6) в Ажене: Ар-нольдина.

1579: 7) Мадемуазель де Ребур, 8) Флёретта, дочь садовника в Нераке, 9) *Франциска де Монморанси-Фоссе* (Franchise de Montmorency-Fosseux); 10) госпожа Спонд; 11) девица Марокен; 12) Ксента, горничная Маргариты Наваррской; 13) булочница в Сен-Жан; 14) госпожа де Петонвилль; 15) Бавересса; 16) девица Дюра; 17) Пикотен, булочница в По; 18) графиня Сен-Мегрен (Le Sain-Maigrin); 19) кормилица в Кастель-Жалу; 20) две сестры де л'Эпсэ (De l'Epsee).

1582–1591: 21) Диана д'Андуэн, графиня Грамон, прозванная *Прекрасною Коризандою* (Diane d'Andouins, comptesse de Gramont, dite la belle Corisande); 22) Мартина; 23) Эсфирь Имбер (Imbert) в Ла-Рошели; 24) Антуанетта де Пон, маркиза Гершвилль, впоследствии графиня Лианкур (Antoinette de Pons, marquise de Guercheville, comptesse de Liancourt) с 1589 по 1590 год. Любовь платоническая и неудачная; 25) Екатерина де Верден – монахиня Лоншана, впоследствии аббатиса в Верноне; 26) Мария де Бовийе, аббатиса монастыря Монмартр; 27) Мария Бабу де ла Бурдезьер, впоследствии виконтесса д'Этож, двоюродная сестра Габриэли д'Эстре.

1591–1599: 28) *Габриэль д'Эстре– госпожа де Лианкур – маркиза Монсо – герцогиня де Бофор* (Gabrielle d'Estree, dame de Liancourt, marquise de Monceaux, duchesse de Beaufort); 29) и 30) ее родные сестры: Юлиана Ипполита д'Эстре, маркиза, а впоследствии герцогиня Виллар, и Анжелика д'Эстре, аббатиса в Мобюиссоне; 31) госпожа де Монтобан; 32) Ла Гланде – куртизанка; 33) девица д'Аранкур; 34) девица де Сенант – из того же разряда.

1599–1610: 35) *Генриэтта де Бальзак д'Антраг, маркиза де Вернейль* (Henriette de Balzac d'Entragues marquise de Verneuil); 36)

графиня Лиму; 37) Жаклина де Бейль, графиня Море (16041610); 38) госпожа Ланери; 39) госпожа Мопу; 40) Шарлотта Фулебон, впоследствии супруга Франциска Барбетьер-Шемеро; 41) куртизанка Бретолина; 42) герцогиня де Невер (неудача); 43) герцогиня Монпансье (тоже); 44) Екатерина де Роган, герцогиня Цвейбриккенская (рассердилась на любезное предложение короля); 45) мадемуазель де Гиз, принцесса Конти, сочинительница памфлета «Возлюбленные великого Алькандра» (Les amours du grand Alcandre); 46) госпожа Клен или Келен, жена парламентского советника; 47) мамзель Фаннюш – уличная камелия; 48) супруга сборщика податей госпожа де Буанвилль; 49–53) госпожи: Аарссен, де Со, де Раньи, де Шанливо, Камю де Понкарре.

1604–1610: 54) Шарлотта дез'Эссар, графиня Ромартен;

55) *Шарлотта Маргарита де Монморанси, принцесса Конде;*

56) девица Полэ (Paulet).

Прибавив к этому числу первую супругу Генриха Маргариту Наваррскую, знаменитую *королеву Марго* – французскую Лукрецию Борджа, – получим 57: число лет жизни Генриха IV. На эту странность обращаем внимание охотников до каббалистических выкладок; пусть ради забавы присоединят эту роковую цифру к числам 4 и 14, игравшим такую важную роль в жизни родоначальника Бурбонской династии.[4]

Цифирные фокусы, конечно, очень занимательны; в них досужее суеверие может даже найти себе лакомую пищу, но мы, не останавливаясь на подобных пустяках, скажем несколько слов об иных цифрах, не каббалистических, но тем более заслуживающих внимания. С 1574 по 1610 год, в течение двадцати шести лет, у Генриха IV было пятьдесят шесть фавориток. Любопытно знать, во сколько обошлись Франции эти удовольствия? Не говорим о какой-нибудь горничной Ксенте или о мамзелях вроде Баверессы, Ла Гланде, Бретолины, Фаннюш и им подобных; на этих госпож и тогда, как теперь, была своя такса. Кроме куртизанок и горничных королю продавали ласки графини, виконтессы, маркизы, принцессы, аббатисы, знавшие себе настоящую цену; мужья сводили его со своими женами, матери и отцы – с дочерьми. Не скупился король на золото, подарки; щедрился он на поместья, майораты, на чины и титулы, которыми награждал услужливых братьев, отцов и мужей, настоящих и подставных. Сумма всех этих щедрот может представить цифру весьма почтенную; данные же для составления этой суммы можно найти в записках Сюлли и во многих других мемуарах того времени.

Женитьба Генриха на Маргарите Валуа – дело адской

политики Екатерины Медичи – породнила честный дом наваррских Бурбонов с французским лупанаром. Умной Жанной д'Альбре (как мы видели) руководили расчет и надежда со временем видеть сына на французском престоле – честолюбие извинительное в доброй и нежной матери. Екатерина Медичи замышляла другое. Она, призывая гугенотов на брачное празднество короля наваррского, готовила им предательскую западню Варфоломеевской ночи; она оттачивала ножи и топоры убийц под звуки бальной музыки… Прологом кровавой трагедии были песни, пляски, а за ними – отравление Жанны д'Альбре, убийство Колиньи и резня гугенотов. Мог ли быть прочен и надежен брачный союз, заключенный при такой страшной обстановке? Генрих и Маргарита шли к алтарю скрепя сердце, с обоюдным отвращением, чтобы не сказать ненавистью.

Говорят, будто несходство характеров – главный источник супружеских раздоров… неправда! В короле Наваррском и его супруге видим совершенно противное; редко можно было найти людей, у которых в характере было бы так много родственного сходства; как в нем, так и в ней одни и те же достоинства и пороки одни и те же. Он был влюбчив – она тоже; Генрих за женскую ласку готов был отдать честь, жизнь, весь мир – и Маргарита не задумывалась над принесением этих же самых жертв своим многочисленным любовникам. Шалости и волокитство неприметно довели мужа и жену до распутства, распутство доводило их и до преступлений… Новейшие проповедники женской эмансипации, быть может, сочтут наши слова лицемерием, но, по крайнему нашему разумению, порок, терпимый в мужчине, отвратителен в женщине: подвыпивший мужчина никогда не возбудит того омерзения, которое внушает нам пьяная женщина. То же самое и во всяком пороке. Генрих, молодой страстный беарнец, воспитанный матерью в страхе Божием, не мог устоять от искушения французского двора Карла IX и Генриха III; мы его не извиняем, только оправдываем… Знаменитая королева Марго не заслуживает ни извинений, ни оправданий. Достойная дочь Екатерины Медичи, она родилась развратной, всосала с молоком матери неутолимое сладострастие, выросла в атмосфере, пропитанной пороком. Двенадцати лет она впервые вкусила заветный плод любви чувственной, и с этого возраста ревностно служила Венере, своему единственному божеству. Антраг, Шаррен (или Шарри) хвалились победою над пламенным сердцем Маргариты-отроковицы, но эту честь могли оспорить у них братья Марго: Карл IX, Генрих III, Франциск, герцог Алансонский и, кроме братьев, герцог Генрих Гиз Порубленный, друг детства

Маргариты, ее бессменный сверстник в играх и забавах. Маргарита любила его до самой роковой катастрофы в Блуа, которую, как мы уже говорили, безуспешно пыталась отклонить, предупреждая Гиза об угрожавшей опасности. Немедленно по выходе Маргариты за Генриха Наваррского Гиз возобновил с нею прерванную связь, смеясь и издеваясь над простоватым беарнцем, который со своей стороны умел кстати зажмуриться или глядеть сквозь пальцы на проделки жены. Если римский Брут прикидывался сумасшедшим, почему Генриху Наваррскому было не прикидываться простаком, повесой, добродушно махнувшим рукою на все и на вся и думавшим единственно об игре в лапту, об охоте и любовных приключениях?

Навлекая на себя этой странной тактикой негодование гугенотов и презрение католиков, он спасал себе жизнь и вместе с тем тихонько прокрадывался к королевской короне. Раболепствуя перед Екатериной, потворствуя преступным шалостям своей жены, лавируя между Сциллой и Харибдой, Генрих особенно подружился с самым ничтожным из всех своих трех шуринов, Франциском Алансонским. Шурин, зять и сестрица составили самый согласный триумвират, на который, однако же, обратила внимание Екатерина Медичи, предугадывая в нем опасность, гибельную ее намерениям. Верная завету Макиавелли: вселяй раздор, и властвуй (divide et impera), – флорентинка поручила своей фрейлине госпоже де Сов и любимцу Генриха III дю Гасту (du Guast) во что бы то ни стало разладить мужа с женою и шурином. Все фрейлины двора королевы-матери, как мы уже говорили, душою и телом служили ее видам и замыслам, но госпожа де Сов любила *искусство для искусства* и, по словам историка Мезерэ, «прелестями своими служила не столько намерениям королевы, сколько своему собственному удовольствию, играя сердцами своих поклонников так ловко, что никогда не бывала в проигрыше и имела неистощимый запас обожателей». Эта прелестная дама, супруга государственного секретаря, была счастливой соперницей Маргариты (или, как ее называл Карл IX, *толстухи Марго),* пользуясь благосклонностью державных ее братьев, наконец, и мужа, которого вместе с герцогом Алансонс-ким прибрала к рукам. Тонкий, лукавый дипломат в своих отношениях к французскому двору, Генрих Наваррский на этот раз бросился в западню, расставленную ему коварной Цирцеей, и, согласно желаниям Екатерины Медичи, рассорился с герцогом Алансонским чуть не до поединка. Госпожа де Сов, принимая у себя в будуаре и зятя, и шурина, тому и другому клялась в неизменной верности; зятю наговаривала на шурина, шурину – на зятя, мужу – на жену. Генрих, не питавший к

Маргарите иных чувств, кроме холодной дружбы, заменил ее презрительным равнодушием. Глубоко обиженная Марго, чтобы не остаться в долгу, выбрала себе другом Бюсси д'Амбуаза, главного коновода партии Алансонского. В своих записках она уверяет, что отношения их были безукоризненны, чему, разумеется, нельзя верить.

Преемник несчастного Ла Моля, удалец Бюсси, сын своего времени, был способен на что угодно, кроме нежных воздыханий и платонической любви. В те времена любить женщину значило обладать женщиной; о любви платонической проповедовали только тогдашние романисты и поэты. Душевно преданный герцогу Алансонскому, Бюсси в объятиях Маргариты нашел достойную награду за свою преданность. О связи с ним королевы наваррской дю Гаст довел до сведения ее мужа. Генрих, занятый госпожой де Сов, не повел и ухом. Генрих III и Екатерина надеялись, что беарнец будет мстить Бюсси, и жестоко ошиблись. Тогда дю Гаст (с их согласия, разумеется) выбрал из своего сардинского полка триста человек отчаянных головорезов, велел им ночью напасть на Бюсси и его товарищей. Эта горстка молодцов выдержала натиск злодеев; раненый, Бюсси защищался, как лев, и посланные дю Гаста бежали. На другой день победитель явился в Лувр, неизменно веселый, любезный, будто после потешного турнира. Дорого поплатился дю Гаст за свой неудавшийся разбойничий умысел. 30 октября 1575 года, часу в десятом вечера, когда он больной лежал в постели, в его спальню вломилась толпа замаскированных людей, предводимая Вильгельмом дю Пра, бароном де Ватто; шпаги их и кинжалы не дали промахов: шпион погиб честной смертью Юлия Цезаря. Маргарита назвала гибель дю Гаста «судом Божиим», и это было бы действительно так, если б барон де Ватто действовал не по ее поручению.

Вечером 15 сентября 1575 года Франциск, герцог Алансонский бежал в свой удельный город Дрё, откуда прислал в Париж манифест в оправдание своему поступку с выражением своих притязаний. Генрих III и Екатерина в бессильной ярости не знали, за что взяться; Маргарита слегла в постель, заболев лихорадкой от страха за нежно любимого брата; милый король наваррский тоже лежал… у ног госпожи де Сов, осыпая беглеца упреками и насмешками, которыми маскировал свое решительное намерение последовать его примеру. Усыпив бдительность флорентинки и Генриха III, король наваррский 3 февраля 1576 года под предлогом поездки на охоту в Санлис с небольшой свитой приверженцев своих ускакал по вандомской дороге в Алан-сон, оттуда пробрался в Мэн, Анжу, где открыто присоединился к

партии Конде и опять перешел в кальвинизм, от которого отступился после Варфоломеевской ночи. Мнимый простак перехитрил умную флорентинку, лукавого ее сына и коварную госпожу де Сов, из сетей которой наконец вырвался.

На этот раз за все про все поплатилась ни в чем не виноватая Маргарита. Королева-мать и король-братец, обрушив на нее свою ярость, обошлись с ней как с пленницей, приставив стражу к ее дворцу. Для них Маргарита была драгоценным залогом при тех враждебных отношениях, в которых находились теперь к Генриху III его брат и зять. Король наваррский, равнодушный к жене во время пребывания своего в Париже, теперь в письмах своих из Гаскони прикинулся чрезвычайно нежным и внимательным, прося Маргариту, между прочим, подробно сообщить ему обо всем, что делается и замышляется при дворе. Дружбы ради королева наваррская охотно взяла на себя роль шпионки, донося обо всем обоим беглецам, то есть мужу и Франциску Алансонскому. Желая во что бы то ни стало воротить последнего ко двору, Генрих III решил вступить с ним в переговоры. Посредницей была сама Екатерина; она ездила к Франциску, но, холодно им принятая, истощив весь запас лести и заманчивых обещаний, возвратилась в Париж ни с чем. Быть примирительницей враждующих братьев попросили Маргариту, и она с удовольствием взялась за это трудное поручение. Чего не сделала мегера, то удалось сирене. Франциск, обольщенный ласками сестры (ласками далеко не родственными), возвратился в Париж, как блудный сын в дом отчий. Генрих III принял его с умилительным радушием, Екатерина – со слезами радости; тот и другая смотрели в глаза герцогу Алансонскому, предупреждая, предугадывая малейшие его желания. По этим ласкам Франциск мог заключить, что на этот раз ему не так-то легко будет вырваться из этих предательских объятий. Маргарита в награду за удачное исполнение данного ей поручения просила мать и брата отпустить ее к мужу вместе с присланным за нею Жениссаком. Ей отвечали отказом, посланного приняли с грубостями, приказав ему сказать мужу Маргариты, что он не увидит ее до тех пор, покуда не перейдет в католицизм. Желая утешить Маргариту, ей предложили прокатиться в чужие края, на воды, и она, ссылаясь на недавнюю болезнь, выбрала Спа, куда и отправилась в сопровождении княгини Рош-сюр-Ион. Эта поездка была не столько полезна ей в санитарном отношении, сколько герцогу Алансонскому в отношении политическом. Во время своего пребывания во Фландрии Маргарита сумела расположить в пользу брата партию недовольных испанским владычеством, обещавших ей в случае надобности не только дать ее брату

надежный приют, но даже избрать его в предводители готовившегося восстания. Это обещание, льстившее честолюбию герцога Алан-сонского, пришлось как нельзя более кстати. По возвращении в Париж Маргарита вместо прежнего согласия между матерью и примирившимися братьями нашла страшную разладицу. Генрих III, обвиняя герцога Алансонского в измене и злых умыслах, теперь обходился с ним как с пленником, вместо объятий его держали чуть ли не за ворот. Смягчив по возможности его незавидную участь, ручаясь головой королю и королеве-матери за благонадежность Франциска, хитрая Маргарита с помощью Бюсси д'Амбуаза занялась приготовлениями к побегу узника во Фландрию. В пятницу 14 января 1578 года герцог Алансонский, Симье и Канже с помощью Маргариты, трех ее горничных и верного слуги по веревочной лестнице спустились из окна темницы в ров, оттуда бежали в аббатство Святой Женевьевы, где их ожидал верный Бюсси. Во Фландрии брат Генриха III не был ему опасен, и король, радуясь, что сбыл с рук опасного врага, нимало не сердился на Маргариту за ее содействие побегу Франциска. Главной причиной последней распри между братьями была не боязнь короля французского честолюбивых замыслов герцога, а возобновленная последним связь с госпожою де Сов, одновременно удостаивавшей и короля своей благосклонностью. До гроба верная правилу не лишать своей ласки ни единого мужчины при дворе – от короля до камер-лакея включительно, эта госпожа имела честь после герцога Алансонского быть любовницей Генриха Гиза. В бытность свою в Гаскони с Екатериной Медичи она пыталась пробудить в сердце короля наваррского прежнюю страсть, но он, как увидим, уклонился от этой камелии, выбрав цветок посвежее и привлекательнее.

Прежде нежели мы возвратимся к рассказу о любовных подвигах героя нашего очерка, окончим обзор любовных похождений его супруги до отъезда ее в Гасконь. С 1575 по 1578 год сердцем ее нераздельно владел удалой Бюсси, который, проводив свою возлюбленную, не теряя времени, нашел новый предмет обожания в лице графини Дианы Монсоро. Муж красавицы, взяв пример с Гиза, поступил с Бюсси точно так же, как тот – с графом Сен-Мегрен. Заманив любовника жены в свой замок, Монсоро выпустил на него целый отряд убийц, будто стаю бешеных собак на кабана. Долго отбивался Бюсси от этих душегубцев – сначала шпагою, потом ее обломком, наконец, стульями и скамьями, попадавшимися ему в комнате под руку… Израненному, полумертвому, ему удалось добраться до окна и выскочить во двор, где он повис на копьях решетки и был

безжалостно дорезан. Так погиб 19 августа 1579 года храбрец, достойный лучшей участи, но такова уж была роковая судьба любовников Маргариты, погибавших большей частью насильственной смертью, начиная с бедного Ла Моля и оканчивая Обиаком. Обычная фраза: «Я готов отдать за тебя жизнь!» – неизбежная в устах влюбленных, у фаворитов королевы наваррской была пророчеством. Дорого обходились им ласки Маргариты. Нам в нашей книге так часто случалось и еще не один раз случится обвинять драматургов и романистов в искажении исторических фактов и личностей, что мы не можем здесь отказать себе в удовольствии отдать должную справедливость талантливому Дюма, автору великого множества исторических романов, издавна знакомых нашим читателям. Учиться французской истории по романам Дюма было бы, конечно, смешно и дико, тем более что у него вымысел и правда всегда весьма искусно сплавлены в нераздельную амальгаму; но нельзя не признать за ним и той заслуги, что он своими рассказами спас от забвения немало замечательных исторических личностей. Без *королевы Марго* и *графини Монсоро* едва ли большинству читающего мира известны были бы де Ла Моль, Коконна и Бюсси д'Амбуаз – любопытные типы истых французских дворян шестнадцатого века со всеми их достоинствами и пороками. В драме своей «Генрих III и его двор» (Henri III et sa cour) Дюма почти без изменений мастерским пером изобразил историю красавчика *Сен-Мегрена,* а в упомянутых романах полной рукой черпал из записок л'Этуаля, Маргариты, Брантома и истории д'Обинье. Если исторические романы Вальтера Скотта можно назвать фотографиями, то произведения Дюма имеют полное право на имя исторических картин, написанных яркими и далеко не блеклыми красками.

В течение двухлетней разлуки со своей супругой Генрих Наваррский не оставался перед нею в долгу и усердно, не менее Маргариты, служил Эроту и Венере. В 1576 году влюбчивые его глаза остановились на дочери госпожи Тигонвилль, наставницы его сестры. Эта «девочка», как ее называет д'Обинье в своих записках, полудитя, главную заманчивость которой составляли невинность и неопытность, не на шутку отвлекала Генриха от занятий делами поважнее волокитств и любовных проказ, до которых король наваррский был вообще так падок. Сначала он обратился с просьбой помогать ему к суровому д'Обинье, умоляя его «на коленях» уговорить упрямицу, на все нежные предложения короля отвечавшую отказом и бранью. «Я не гожусь в сваты и подлой этой должности исправлять не умею!» – так говорил прямодушный д'Обинье, со своей стороны стараясь

отвлечь короля от глупой связи; упрямец не унимался и одержал наконец желанную победу. Два года мадемуазель де Тигонвилль пользовалась ласками его нераздельно и в награду за свою уступчивость была в 1581 году выдана за барона Пардайян, графа Панжа, члена государственного совета, камергера двора, кавалера рыцарского ордена, капитана полусотни телохранителей, командира Гюйэннского полка и губернатора Арманьяка.

Эти чины были приданым, взятым бароном за женою, и позолотою рогов, которыми задолго до свадьбы его увенчал король наваррский; недаром же сестра Генриха называла барона Панжа «толстым буйволом»…

Через полгода после бегства герцога Алансонского во Фландрию Екатерина Медичи и возлюбленный ее сынок решились дозволить Маргарите возвратиться к ее беглому супругу. 2 августа 1578 года королева наваррская из замка Оленвилля изволила отбыть в Гасконь в сопровождении королевы-матери, кардинала Бурбона, герцога Монпансье и президента Пибра-ка. За ними следовали фрейлины двора Екатерины Медичи, обоз красавиц, которыми флорентинка надеялась действовать на врагов вернее всякой артиллерии – и не ошиблась в расчетах. Не успела она со своим подвижным лупанаром приехать в Гюйэнну, как король наваррский уже растаял от огненных взоров фрейлины Дайэллы, гречанки, спасшейся от плена при разорении Кипра, а Тюреннь пленился девицей Ла Вернь (La Vergne). Восемнадцать месяцев гостила Екатерина Медичи у зятя, напоминая, окруженная своими камелиями-фрейлинами, известного разряда тетеньку с племянницами. Король и королева наваррские были просто умилительны в добром согласии и при совершенном отсутствии ревности: король дружил с фаворитами жены, она – с фаворитками короля. Житье в Нераке во время пребывания там Екатерины было самое привольное и развеселое; после него прибытие в угрюмый город По и пребывание в этом городе показалось Маргарите невыносимым… Угодно ли читателю знать истинную причину уступчивости Генриха и его снисходительного взгляда на все шашни Маргариты? Вот подлинные его слова.

«Чтобы меня не обвинили в проповеди безнравственных (?) правил приручать ревнивых мужей и пользоваться их доверием, я объясню причины, побуждавшие меня так странно вести себя. Я был королем без королевства и стоял во главе партии, которую следовало поддерживать, всего чаще без войск и без денег для их найма. Видя приближавшуюся грозу, я для ее отклонения не имел иных средств, кроме покорности. В подобных случаях добрая жена приносила мне немалую пользу. Ее ходатайство всегда

смягчало досаду на меня ее матери или братьев. С другой стороны, ее красота привлекала ко мне постоянно множество удальцов, которых удерживала при мне легкость ее поведения; суровостью она могла бы повредить успехам нашей партии. Судите после этого, должен ли я был щадить ее, хотя она и доходила иногда в своем кокетстве до смешного. Бывали между ее обожателями и такие, над которыми она сама смеялась, удостаивая меня доверенности и сообщая мне об их забавной страсти. Таков был старый сумасброд Пибрак. Ради любви он сделался ее канцлером, чтобы, пользуясь правом службы, писать ей нежнейшие письма, над которыми коварная вместе со мною смеялась».

Этой же самой системы и в наше время придерживаются многие мужья, торгующие своими женами, в чаянии снискания великих и богатых милостей у своих начальников; но что мерзко в каком-нибудь министерском чиновнике, то отвратительно в короле, этим грязным путем домогающемся престола… Или будущий Генрих IV думал, что за высотою занятого им поста люди, его современники и потомки, не заметят пятен? Солнце ярче французской короны и повыше королевского престола, однако же его пятна не укрылись от глаз наблюдательной науки. Путь к славе может быть тернист, труден, извивист, но никогда не должен быть грязен; стыд и позор тем славолюбцам, которые удобряют почву для своих лавров кровью человеческой или смрадной грязью.

С переездом в По для Маргариты, как мы уже сказали, начались черные дни. В памяти беарнцев еще в полном блеске сияла покойная Жанна д'Альбре, «в которой, – по словам историка, – кроме пола, не было ничего женского»; Жанна – умная в совете, храбрая на войне, строгая, целомудренная. Сравнивали беарнцы покойную мать их короля с его женою, и невыгодно было это сравнение для молодой развратницы, мечтавшей единственно о нарядах, балах, праздниках да любовных интригах. В По Генрих взял жену в ежовые руковицы (что, сказать по правде, чести ему не делает). В Париже он «страха ради иудей-ска» ходил в католическую церковь; в По он заставил Маргариту слушать обедню ее вероисповедания в убогой часовенке, куда не допускали местных жителей, единоверцев Маргариты… Вместо обожателей королеву окружали педант Пибрак, свирепый солдат д'Обинье и фанатик гугенот Жак Лалльe. Некого было ей тешить своими кокетливыми кривляньями и пышными нарядами из камки, аксамита, турецкой парчи и венецианского бархата, о которых она с таким чувством распространяется в своих записках. Полезная мужу в Париже, она

была ему почти в тягость в его владениях. Там дозволяя Маргарите ветреничать как ей угодно, здесь Генрих требовал от нее соблюдения приличия и супружеской верности. В обоих случаях он был верен политической своей системе: в Беарне честное поведение жены было точно такой же необходимостью, как в Париже – ее безнравственность. Стесняя жену в ее привычках, Генрих себе самому представил полную свободу, не давая спуску ни одному смазливенькому личику – от крестьянки до фрейлины включительно. В это время вместе с д'Амвилем и Фронтенаком король наваррский пользовался расположением мадемуазель де Ребур, всячески досаждавшей Маргарите. Эта Ребур была девица хворая, истощенная, и Генрих любил ее, может быть, единственно ради разнообразия. Она очень скоро ему прискучила, и он заменил ее девицею Фоссё, известной под именем *Фоссезы.* Эта новая связь была затеяна королем незадолго перед его отъездом с Маргаритой в Нерак, где и она вознаградила себя за невольное воздержание знакомством с Иаковом Гарлэ (Harlay), сеньором де Шанваллон.

После скучного По житье в Нераке напомнило Маргарите родимый Париж. Праздники сменялись праздниками, домашние спектакли – балами, балы – поездками на охоту. Придворные дамы и кавалеры кружились в каком-то чаду, покорствуя любви, этому могучему властелину самого короля, божеству, соединявшему пред своим алтарем и католиков, и гугенотов. Старики не отставали от молодежи; суровый и степенный де Рони, будущий Сюлли, репетировал балетные па под руководством сестры Генриха и долгом почел, по примеру прочих, обзавестись фавориткой.

В этом адском лабиринте любовных и политических интриг, душою которых была Маргарита, попавшая опять в свою сферу, путеводной нитью могут служить ее записки. Досадуя на маршала Бирона, правителя Гюйэнны, Генрих решился нарушить мир, заключенный с парижским двором, и 15 апреля 1580 года снова вступил в борьбу, названную *войною влюбленных,* так как главные действующие лица этой трагикомедии были влюбленные и любовь была главной пружиной их политических и военных действий. Д'Обинье пишет, что Маргарита, негодуя на своего брата Генриха III за то, что он наушничал королю наваррско-му о ее интригах с де Тюреннем и Шанваллоном, подстрекнула мужа затеять с шурином войну. Орудием для подстрекательства она выбрала молоденькую Фоссезу, свою фрейлину, дочь Пьера Монморанси… Другими словами, Маргарита сама сосватала ее своему влюбчивому супругу. Несмотря на свое смешное название, война была нешуточная; независимо от подвигов храбрости со

стороны католиков и гугенотов, она была ознаменована неизбежными зверствами и ужасами. Несколько областей терпели нужду и голод, гибли в истязаниях женщины, дети; сотни храбрецов складывали свои головы – и все это по милости женщины-волокиты, чужой кровью мстившей своему брату за непрошеное его вмешательство в ее грязные интриги. По ее просьбе город и замок Нерак воюющими сторонами признаны были неприкосновенными, что, однако же, не мешало Генриху делать частые наезды в замок, в котором между фрейлинами его жены находилась Фоссеза. В начале этой интриги Генрих питал к прелестной отроковице самую платоническую страсть, называя Фоссезу своей «дочкой». Послушная наставлениям королевы, «дочка» держала своего «папашу» в почтительном отдалении, обещая ему – и только обещая – желанную награду за те воинские подвиги, которые он совершал во время этой срамной войны. Герцогу Алансонскому, возвратившемуся из Фландрии,

Генрих III поручил вступить в мирные переговоры с королем наваррским. Семь месяцев Франциск провел в Нераке, уладив дело по желанию короля французского, но мир был вскоре нарушен по милости Фоссезы. Ревнивый Генрих Наваррский, заметив ухаживанье за нею герцога Алансонского, заподозрил жену в пособничестве. На этот раз невиноватая Маргарита уговаривала брата оставить неуместное соперничество. Фос-сеза, точно так же в доказательство своей невинности, вознаградила наваррского короля за долгое ожидание. Лишь только обнаружились последствия близких отношений Генриха с Фос-сезою, последняя, подобно библейской Агари, возгордилась и зазналась пред своей законной соперницей, явно оказывая Маргарите неуважение. Круто изменился характер недавней девочки, готовившейся теперь быть матерью. Желая скрыть свою беременность, Фоссеза отпросилась у королевы на воды Эг-Шод, в Беарне. Делая вид, что она ни о чем не догадывается, Маргарита дала ей свое позволение. Фоссеза, сопровождаемая фрейлинами Ребур, Биллсавен, гувернанткой и Генрихом, отправилась лечиться. Ребур, отставная фаворитка, желая отомстить Фос-сезе, исправно доносила Маргарите обо всем, что делалось на водах, о дерзких отзывах новой фаворитки насчет королевы, о намерении Генриха заставить жену приехать в Эг-Шод для избежания излишнего скандала… Отклонять было нечего: при дворе и по всему Беарну ходили уже соблазнительные слухи о короле и его фаворитке. Зная, что отдалением от себя Фоссезы она будет только способствовать вящему злословию, Маргарита с удивительным тактом приблизила ее к себе, великодушно продолжив свое содействие к сокрытию от молвы угрожавшей

Фоссезе катастрофы. Вместо благодарности Фоссеза, по общепринятому обыкновению падших, желающих выдавать себя за непорочных девственниц, стала осыпать королеву упреками, клясться в своей невинности, называя клеветниками тех, кто осмеливается думать, что она беременна… Бесстыдство это было тем извинительнее Фоссезе, что ее счастливый обожатель Генрих, этот «великий король», делал жене своей сцены за нанесенное ею оскорбление *чистой* и *невинной* Фоссезе! Какое умилительно патриархальное лицемерие!.. В лице *жены* Генрих защищал от нападок общественного мнения свою *любовницу;* замыкая уста Маргарите, он надеялся заставить молчать весь свет… Он, его величество король наваррский, ручался, что его «дочка» Фоссеза чиста, как младенец, значит, так оно и должно быть, хотя бы этот младенец и подарил Божьему миру второй экземпляр действительно невинного младенца, что и не замедлило последовать.

Вскоре после ссоры с женой из-за *невинной* Фоссезы король ночью разбудил Маргариту и ласково сказал ей:

– Милая моя, я от вас скрыл то, в чем теперь принужден сознаться. Простите меня и забудьте все, что я говорил вам. Будьте так добры, встаньте и помогите бедной Фоссезе, которой очень трудно! Я уверен, что вы, увидя ее в этом положении, простите ей все происшедшее. Ведь вы знаете, как я ее люблю! Прошу вас, окажите мне эту милость!

Маргарита, истинно великая в эту минуту, отвечала ему, что она слишком его уважает, чтобы считать его дитя бесчестием для себя; что она позаботится о Фоссезе, как о родной дочери, ему же советует этим временем ехать с придворными на охоту, затем чтобы все осталось шито да крыто.[5]

Невинная Фоссеза родила мертвую девочку. Королеве за ее услуги она отплатила тем же, чем большая часть рожениц платит бедным бабушкам, то есть самой низкой неблагодарностью. Креатуры, подобные Фоссезе, в девушках не засиживаются; на ее счастье, нашелся какой-то Сен-Марк, сеньор де Брок, предложивший ей руку и сердце.

До глубины души оскорбленная бесстыдством мужа и неблагодарностью Фоссезы, Маргарита с удовольствием приняла приглашение Генриха III и отправилась в Париж для принятия деятельного участия в интригах против короля наваррского, а самое главное – для возобновления интриги с Шанваллоном, имевшей такое роковое влияние на судьбу бедной королевы наваррской. Дорого поплатилась она, как увидим, за свое справедливое мщение своему недостойному супругу.

Теперь из легиона фавориток Генриха IV появляется первая

знаменитость – *прелестная Коризанда,* графиня Грамон, которую один современный автор осыпает такими восторженными похвалами, каких не расточал блаженной памяти Боссю-эт в своих панегириках над гробами королев и принцесс. Она, по словам панегириста,[6] заслуживает не только внимания, но и похвал истории; кроме красоты и ума она была мужественна и бескорыстна. Качества эти (продолжает он) нельзя назвать добродетелями, но во времена, обильные пороками, многое значит иметь хоть какие-нибудь достоинства…

Посмотрим, какие же это достоинства имела прекрасная Коризанда, в девицах Диана д'Андуэн, виконтесса де Лувиньи.

Она родилась около 1554 года и в 1567 году, тринадцати лет, вышла за Филиберта Грамона де Гиш, сенешаля беарнского. Король наваррский познакомился с супругами в первый год своего прибытия в Гюйэнну (1576), посетив графа, верного и преданного слугу покойной Жанны д'Альбре. Генрих влюбился в Диану с первой же встречи, но она, как говорят записки современников, была верной женой и не запятнала своего имени связью с королем ранее смерти мужа в 1580 году. Могло быть так, могло быть и иначе. До вдовства своего или после Диана, что называется, ловко окрутила короля наваррского, до того, что он дал ей письменное обязательство, *подписанное кровью,* жениться на ней; предлагал признать своим ее сына Антуана (от герцога Грамона), горько оплакивал своего сына, рожденного Дианой и умершего в малолетстве. Д'Обинье в своих записках[7] не слишком-то благосклонно отзывается об этой фаворитке, отвлекавшей короля своими ласками от дел государственных, угрюмо ворчал гугенот на эту госпожу, которая *вертит королем, как ей угодно,* а в праздничные дни «ходит в церковь со своим сынком от Генриха в сопровождении пажа, пуделя и шута…».

Да! По этим атрибутам и отзывам д'Обинье, видно что Диана была высокого ума женщина и за отсутствием законной жены короля очень недурно разыгрывала ее роль с прибавкой почтенной роли матери семейства: шут, паж, пудель и грудной ребенок, *«явный* плод любви несчастной»; обстановка умилительная, трогательная, и Генрих был очень эффектен в роли отца семейства, хотя и побочного, но любимого не менее законного.

Генриха с Дианой особенно тесно сблизила восьмая кровавая усобица между католиками и гугенотами. Д'Обинье называет ее *войной баррикад,* прочие историки – *войной трех Генрихов.*[8] Это столкновение партий было следствием интриг Маргариты, мстившей Генриху III за нанесенную ей обиду.

Прекрасная Коризанда помогала своему возлюбленному,

королю наваррскому, словом и делом, советами и вещественной помощью, закладывая для найма войск и покупки лошадей свои драгоценности и усадьбы. В свою очередь Генрих, не зная пределов своей признательности, мечтал вознаградить фаворитку, сочетаясь с ней законным браком; разумеется, после развода с Маргаритой. В марте 1586 года, отразив маршала Матиньона от стен Кастеля, Генрих отбил у него несколько знамен и лично привез эти трофеи к Диане, чтобы в ее объятиях отдохнуть на лаврах. После кровавой битвы при Кутрасе (20 октября 1586 года), не обращая внимания ни на ропот войск, воодушевленных победой, ни на просьбы принца Генриха Конде, желавшего овладеть Сомюром, король наваррский с новым грузом отнятых знамен у неприятеля отправился из армии к Коризанде, тратя драгоценное время на идиллические нежности и праздный отдых в объятиях своей возлюбленной. «Делу время – потехе час» – говорит житейская мудрость; но Генрих смотрел на любовные интриги как на дела, а на войну как на потеху. Сюлли говорит, что товарищем короля наваррского в его сентиментальных поездках к прекрасной Коризанде был граф Суассонский, любовник Екатерины, сестры короля. Генрих ссылался на графа, в свое оправдание утверждая, что он угождал этим своему верному помощнику… Хорошо оправдание!..

Года через два после смерти Франциска, герцога Алансонского (10 июня 1584 года) Генрих, теперь наследник французского престола, окончательно решил жениться на своей Кори-занде, против чего восстали Тюреннь и в особенности д'Обинье. Первый пытался отвлечь короля от его намерения действиями военными, но другой вступил с Генрихом в открытый спор, из которого вышел победителем.

Выразив д'Обинье свое намерение, Генрих для примера указывал на тридцать государей, древних и новейших, сочетавшихся браком с женщинами ниже их по происхождению; нападал на браки политические, которые называл источниками распрей и междоусобиц… Д'Обинье, неуловимый софизмами да парадоксами, отвечал королю-селадону:

– Примеры хороши, но не для вас, государь. Короли, на которых вы ссылаетесь, мирно пользовались своими правами; их, как вас, никто не вытеснял из их владений, они, подобно вам, не скитались, и благоденствие их царств не зависело от их доброй славы. Вспомните, государь, что к задуманному вами браку существует четыре препятствия, соединенные в собственной вашей особе, – вы, Генрих Бурбон, король Наварры, наследник короны французской и покровитель церквей. У каждой из этих четырех личностей свои слуги, которым она и платит разной

монетой. Как Генрих Бурбон вы должны заботиться о чести вашей фамилии; как король наваррский обязаны соблюдать интересы своей короны; как наследник французского престола принуждены соответствовать надеждам, на вас возлагаемым… четвертая же обязанность ваша – быть примером строгого соблюдения закона и уставов церкви! Вас обуяла любовь, страстная, непреодолимая. Я не говорю, чтобы вы исторгли ее из сердца, – любите, наслаждайтесь любовью, но в то же время будьте достойны ласк вашей любовницы… Сейчас я объясню странный, по-видимому, смысл моих слов. Пусть ваша любовь служит вам мерой для побуждения вас к честному исполнению ваших государственных обязанностей, ради любви внимайте добрым советам, время ваше посвящайте делам необходимым, одержите сначала верх над своими врагами и собственными страстями и порочными наклонностями, а потом, пожалуй, по примеру королей, на которых вы ссылаетесь, женитесь на вашей возлюбленной. Смерть герцога Алансонского еще приблизила вас к трону французскому; не останавливайтесь же на половине дороги и, занеся ногу на ступени престола, ступайте к этой великой цели!

Генрих поблагодарил честного советника и дал ему слово на два года отложить вопрос о женитьбе своей на Диане Грамон. То же обещание, подтвержденное клятвой, Генрих дал виконту Тюренню.

В письмах Генриха к его возлюбленной – полная прагматическая история всей его любви. От Коризанды у короля наваррского не было ничего тайного; он сообщал ей обо всем: о своих воинских подвигах и политических замыслах, своих опасениях и надеждах, о настоящем и будущем… В этих письмах лавры и терния переплетены с благоухающими розами любовной поэзии, которые тем удивительнее в Генрихе, что отношение его к Коризанде было так грубо-чувственно… В письмах своих Генрих, будто влюбленный мальчик, старается умилить свою возлюбленную тирадами о смерти, ему угрожающей, о своих душевных и телесных страданиях, вызывая тем Коризанду на выражение ему совершенного сочувствия. Особенно неприятное впечатление при чтении этих писем[9] производят отзывы Генриха о своей жене. Конечно, женатый человек ничем не может угодить так своей любовнице, как браня ей свою законную жену, – это дело известное, дело весьма гадкое на словах и отвратительное в письме. Генрих в письмах своих к Диане Грамон называет Маргариту пьяницей (письмо от 7 ноября 1585 года); выражает желание свернуть ей шею (18 мая 1589 года); молит Бога о скорейшей ее смерти: «Жду не дождусь часа, когда удавят эту наваррскую королеву. Если бы протянула ноги она, как и ее

маменька, я бы воспел благодарственную молитву» (17 января 1589 года).

Заключительные фразы писем Генриха к его кумиру замечательны как грациознейшие вариации на тему «верность». «Верность моя безукоризненна… Будьте уверены в моей верности – она, если только возможно, усиливается… Люблю вас и до гроба буду вам верен… Не сомневайтесь в верном вашем рабе – никогда не изменит…»

Слова, слова, слова, нимало не мешавшие *верному* Генриху в то же время более или менее успешно ухаживать за номерами 23–27 (просим читателя справиться со списком на первых страницах предлагаемого очерка). Начало охлаждения короля наваррского к Коризанде совпадает со временем его восшествия на престол французский (1589). Что бы ни говорили в его защиту восторженные панегиристы, но этот факт бросает на героя весьма невыгодную тень. Не надо быть особенно проницательным, чтобы не догадаться, что Коризанда, обожаемая Генрихом, была ему полезна во время его претендентства на престол, а по достижении его была брошена королем за ненадобностью. Тогда он думал жениться на ней, а теперь лишил ее даже звания фаворитки. Постепенно, «по градусам», мы проследим это охлаждение, но сперва посмотрим, что в разлуке с супругом поделывала не менее его *верная* Маргарита и чем она закончила свою бурную жизнь.

Она прибыла в Париж 8 марта 1582 года, очень сухо была принята братом и матерью и нашла при дворе большие перемены.

Бывшие друзья охладели к ней, милый герцог Алансон-ский скитался по Фландрии, герцог Гиз охладел к Маргарите, очерствел сердцем и, погруженный в интриги, едва обращал внимание на свою первую любовь. Король при всяком удобном случае говорил королеве наваррской колкости, нередко и упреки за легкость ее поведения. Со своей стороны Маргарита, дав волю злому своему языку, не щадила своего братца, осыпая насмешками его фаворитов, с омерзением отзываясь об отношениях короля к этим красавчикам… В этом случае она была права, так как пылкие ее страсти никогда не доводили ее до противоестественного извращения вкуса. По прибытии в Париж она возобновила свою связь с Шанваллоном, и эта любовь не только вознаградила ее за всеобщее равнодушие, но доставила ей радость, доныне еще неведомую… Маргарита родила сына, окрещенного под именем Анжа (Ангела) и отданного на воспитание усыновившему его москательщику де Во. До времени ни королева-мать, ни Генрих III ничего об этом не знали. Оскорбляемая ими Маргарита платила им самой звонкой монетой – злословием, пороча их, весь двор, и правых и

виноватых. Генрих III терпел, по свойственным ему малодушию и трусости, но наконец вышел из себя после важного кровавого события, в котором, по-видимому, Маргарита принимала весьма деятельное участие. Курьер, отправленный королем в Рим к тамошнему французскому посланнику герцогу Жуайёзу, был убит в окрестностях Парижа, а все бывшие при нем депеши были украдены. В числе последних находилось собственноручное письмо короля к Жуайёзу, в котором он, не скупясь на брань, описывал любовные похождения своей сестры, все ее происки и каверзы. Решив, что, кроме Маргариты, участвовать в убиении курьера было некому, так как депеши, кроме нее, никого не могли интересовать, Генрих III через несколько дней после катастрофы (7 августа 1583 года) в присутствии всего двора *отпел* Маргарите все, что накипело желчного и ядовитого в его грязном сердце. Он по пальцам пересчитал ей всех ее любовников, упрекнул за распутство и в заключение – вместо лакомой закуски – бросил ей в лицо обвинение в рождении ею побочного сына от Шанваллона. Эти жестокие нравоучения, бесспорно основательные, имели бы большую цену в устах человека порядочного, а не закоснелого в распутствах содомитянина… Оскорбленная королева наваррская на другой же день выехала из Парижа, почти без свиты и обоза, с горстью приближенных ей служителей. Заливаясь слезами, она твердила, что на белом свете нет королев или принцесс, которые были бы несчастнее ее, Маргариты, и Марии Стюарт, королевы шотландской. В Палэзо королева наваррская остановилась для ночлега, и здесь ее нагнал посланный за ней в погоню Генрихом III капитан гвардии с шестьюдесятью стрелками. Посланный, без всякого уважения к сану и полу Маргариты, обыскал весь ее багаж, обшарил самую постель, на которой она спала, надавал пощечин ее прислужницам, отдал под стражу двух ее любимиц, госпожу Дюра и девицу де Бетюнь, громко обвиняя их от имени короля «в распутстве и умышленных преждевременных родах». Всех арестованных в числе десяти человек отвели в Монтаржи (в аббатство Ферь-ер), где Генрих III сам их допрашивал, пересматривал бумаги, захваченные у сестры, и при допросах особенно допытываясь о ребенке Маргариты от Шанваллона, именно вследствие этого высланного за границу. Маргарита увиделась с ним только в 1605 году после двенадцатилетней разлуки.

Что касается их сына, Анжа, он, выращенный москательщиком де Во, вступил в орден капуцинов, был духовником маркизы Вернейль, участником всех ее интриг и заговора, имевшего целью лишить Генриха IV жизни и присоединить его королевство к Испании. В лице Анжа судьба

послала Генриху IV страшного мстителя за все обиды, причиненные им Маргарите.

Обыск и допросы свиты королевы наваррской убедили Генриха III если не в ее невинности, то, по крайней мере, в отсутствии всяких улик в ужасавших короля злоумышлениях. Арестованных выпустили из-под ареста, Маргарите позволили беспрепятственно продолжать свой путь в Гасконь к мужу, которого, однако же, не преминули известить обо всех этих скандалах. Король наваррский потребовал у Генриха III законного удовлетворения за обиды, причиненные королеве, высказав вместе с тем намерение окончательно развестись с ней (чтобы жениться на великолепной Коризанде). Испуганный Генрих III отвечал зятю, что все написанное о Маргарите – ложь и клевета, что его самого обманули… «Верю, – писал ему король наваррский, – но с женой все же разведусь!» Генрих III послал к нему посла Белльевра, вручившего королю наваррскому собственноручные заверения короля французского в невинности (?!!) Маргариты. От природы глупый, сын Екатерины Медичи в этих письмах дошел до идиотизма. Оправдывая свою сестру, он, между прочим, написал, что «мало ли что говорили о поведении покойной матери короля наваррского, Жанне д'Альбре, как ее порочили…».

– Благодарю покорно! – сказал Генрих Бурбон, смеясь и обращаясь к посланному. – Только этого и недоставало! В прежних письмах ваш государь называл меня рогоносцем, а теперь, в оправдание своей сестрицы, не обинуясь, величает меня сыном… – Тут король наваррский отпустил непечатное словцо.

Долго тянулись переговоры, письменные и устные; от дипломатии перешли к войне; король наваррский овладел Мон-де-Марсаном, и тогда дела уладились к обоюдному удовольствию. Все эти семейные драмы и комедии разыгрывались в то время, когда Коризанда, владея сердцем Генриха, нераздельно метила попасть в королевы, а он из короля преобразился в ее вечного раба, до гроба ей преданного. Позоря законную свою жену за огрехи, которым сам был причиной, Генрих нянчился со своим побочным сынком и, любезничая с его маменькой, проводил свободное время то в детской, то в будуаре. *Бескорыстная* Коризанда обеими руками держалась за своего возлюбленного, гордясь своим позором и письменным обещанием жениться, данным ей Генрихом в минуту любовного одурения. Эта госпожа, женщина практическая, приковала к себе короля прочной цепью, последним и несокрушимым звеном которой, по его обещанию, должно было быть обручальное кольцо, чего, однако же, к чести короны не случилось.

В январе 1584 года Генрих поехал за Маргаритой, во все время распрей мужа с братом остававшейся в Ажене, своем удельном городе. В Нераке, куда ее привез Генрих, бедную Маргариту ожидали те нравственные истязания, которым муж почему-то считал себя вправе подвергнуть ее за все ее тяжкие провинности. Пользуясь правом сильного или, пожалуй, силой правого, любовник Коризанды на каждом шагу осыпал жену колкостями и насмешками. Припомнил первые годы супружества, когда Маргарита не могла видеть его без омерзения, укорял ее за неуважение к его родне, перед которой она возносилась, колол ей глаза ее любовниками и побочным сыном, издевался над женой, а бедная Маргарита не имела даже духу зажать рот своему супругу – хоть бы грязными пеленками сыночка Кори-занды или воспоминанием о родинах «невинной» Фоссезы. Не довольствуясь старыми дрязгами, безжалостно выставленными теперь на позор, король наваррский, верный роли домашнего тирана, подыскивал новые сюжеты для домашних сцен. Он обвинил Маргариту в намерении опоить его ядом, на что покуда еще не была способна королева, хотя и дочь Екатерины Медичи. В оправдание Генриха нам скажут, пожалуй, что виноват не он, а варварский век, в котором он жил… Пустое! Были же в сердце этого человека чувства деликатности, нежности, проявлялись же в нем проблески идеализма, поэзии… в письмах к любовницам. Неужели на долю жены не нашлось у Генриха капли жалости, простого чувства человеческого?

Униженная, втоптанная в грязь, Маргарита не в силах была долго оставаться в ненавистном Нераке. Она возвратилась в Ажен, чтобы жить там совершенно независимо, и с этой минуты окончательно превратилась в падшую, потерянную женщину. Маргарита и сообщница ее в распутствах госпожа Дюра отчаянным поведением возбудили в жителях Ажена сильнейшее негодование, выразившееся открытым бунтом. Предводимые маршалом Матиньоном жители выгнали Маргариту из ее дворца, и она едва избегла народной ярости, ускакав верхом на одной лошади с Линьераком, своим любовником. Фрейлины ее и прислужницы по недостатку в экипажах бежали кто как мог: на крестьянских телегах, верхом, пешком, будто обращенный в бегство табор цыганский. Беглецы и беглянки остановились в крепости Карла, на высотах овернских гор, где их приютил комендант Марсе; но и отсюда преследуемая королева наваррская принуждена была бежать в замок Ивуа, принадлежавший Екатерине Медичи, и на пути была арестована маркизом де Канильяком; той же участи подвергся и Обиак, новый возлюбленный Маргариты, заменивший Линьерака. Последний,

отобрав у нее все драгоценности, без зазрения совести прогнал от себя несчастную женщину.

Обиак познакомился с Маргаритой в бытность ее в Карла, где покинутая Линьераком, без всяких средств, нищая, голодная, она *за кусок хлеба* отдалась простому повару. Обиак сам был обнищавшим дворянином, но Маргарита полюбила его, тронутая нежной внимательностью бедняги, доходившей до обожания. Он знал Маргариту в блестящую эпоху ее жизни, лет двенадцать тому назад, и еще тогда сказал одному из своих сослуживцев: «Что за красавица! За несколько часов, проведенных с нею, я не пожалею жизни и готов идти на виселицу». Разоренная, гонимая, Маргарита отдала свое сердце Обиаку, несмотря на то что он был немолод, рыж, с багровым носом и лицом, осыпанным крупными веснушками. Плодом этой связи был глухонемой ребенок, рожденный Маргаритой в крепости Карла. Комендант Марсе, узнавший об этой интриге, был отравлен! Исполинскими шагами шла королева наваррская по торной дороге порока, на которую толкнули ее беспутства братьев, грубость и безжалостность мужа. Обиак поручил двоюродному брату своему, Рора, собрать войска в Гаскони, привести их в Карла, где королева и фаворит ее думали запереться, как средневековые паладины в феодальном замке, но это не удалось им, и они вместо того попали в плен к маркизу Канильяку, влюбленному в Маргариту. Обиак, по приказанию последнего, был повешен в Эгперте. При аресте Маргариты несчастного нашли зарытым ею в навозной куче; королева собственноручно его остригла, выбрила, переодела. Приговоренный к позорной смерти, Обиак до последней минуты тосковал не о жизни, но о своей возлюбленной. Покуда роковая петля не задавила его, он, не выпуская из рук, осыпал слезами и поцелуями синюю бархатную муфту, подаренную ему

Маргаритой… Не менее его несчастная супруга Генриха IV отдалась маркизу де Канильяку. Женщина эта тогда уже утратила чувство стыда и достоинства человеческого…

Замок Юссон, назначенный местом пребывания Маргариты, вскоре превратился в притон обоего пола отверженцев, в грязную трущобу, похожую на разбойничью берлогу. Выдавая Маргариту за короля наваррского, Карл IX сказал: «Пойдет теперь моя Марго по рукам гугенотов всего моего королевства!» Другой ее брат, Генрих III, при известии о падении Маргариты отозвался и того лучше: «Пьянствовала с гасконцами, а теперь загуляла с овернскими табунщиками и медниками!»[10]

Пользуясь отъездом маркиза де Канильяка в Сен-Сир, Маргарита приблизила к себе сына медника, некоего Помини, бывшего певчим в соборной церкви. Она пожаловала его в певчие

собственной капеллы, потом в секретари и, наконец, в формальные фавориты. Ему было лет шестнадцать, Маргарите – далеко за тридцать; она обожала этого мальчика, любила его рядить, тешилась им, как куколкой, писала ему нежные стихотворения… В 1599 году брак ее был формально расторгнут; жила она после того шестнадцать лет (умерла 27 мая 1615 года), неизменно дурно ведя себя, меняя любовников, щеголяя нарядами, даже, увы! – льстя любовницам мужа, заискивая их милостей и раболепствуя перед второй его супругой – Марией Медичи. Историю Маргариты Валуа, королевы наваррской, можно назвать длинным свитком, начинающимся парчой, оканчивающимся нищенскими лохмотьями; благоухающей весной, постепенно перешедшей в печальную, грязную осень…

В какую плачевную карикатуру превратила безжалостная старость эту когда-то прелестнейшую из всех принцесс Европы. Умри она в молодых летах, и ее полуистлевший череп не мог бы возбудить в потомстве того отвращения, которое невольно рождается при взгляде на шестидесятилетнюю Маргариту, разрумяненную, разряженную, кокетничающую с мальчиками и поддерживающую в себе угасающие страсти… прозаической рюмочкой вина.

Мы забежали вперед в нашей истории и отвлеклись от другой героини, прекрасной Коризанды, биографический очерк которой пора наконец и закончить. Охлаждение к ней Генриха началось со времени смерти их ребенка. Угасли в сердце короля родительские чувства и затем не замедлили остыть чувства любовника. В письмах своих к Коризанде Генрих чаще и чаще начал заменять местоимение *ты* на *вы.* Вместо любезностей в письме он просил ее в 1589 году помочь ему отвлечь его сестру Екатерину от любви к графу Суассонскому и устроить ее брак с королем шотландским. Он без церемоний осуждал намерение сестры вступить в морганатический брак… Намек довольно грубый, разбивавший мечты Коризанды о выходе ее самой замуж за Генриха IV. Вместо желанной помощи Коризанда стала помогать влюбленным. По ее наущению Екатерина дала письменное обещание выйти за графа Суассонского и вышла бы за него, если бы министр Пальма Кайе не расстроил этой интриги. Точно таким же документом связанный с Коризандой, ему наконец опротивевшей, Генрих IV просил своего верного Сюлли добыть у фаворитки этот *позорный* документ, то есть не свою подписку, данную Коризанде, а письменное обязательство сестры своей, данное ею графу Суассонскому. Ловкий Сюлли добыл оба документа. Этим подвигом он спас короля от больших

неприятностей, а сестру его, напротив, втолкнул в омут всевозможных огорчений вследствие насильственной ее выдачи за герцога де Бар в 1599 году. Освобожденный «раб» вздохнул свободнее и счел себя вправе (в марте 1591 года) завершить переписку с прекрасной Коризандой письменным выговором за ее умыслы поссорить его величество с сестрой. «Не ожидал я этого от вас, – писал он Коризанде, – а потому и вынужден сказать вам, что я никогда не прощу тем, которые вздумают ссорить меня с моей сестрой»…

Оставленная фаворитка (и в молодые годы не имевшая иной привлекательности, кроме полноты, приличной кормилице) под старость пуще разжирела и стала красна лицом, украшенным тройным подбородком. Еще историческая карикатура: душистый персик, переродившийся в пудовую тыкву. Коризанда умерла в 1620 или 1624 году, забытая и светом, и его злословием.

Года за два до своего разрыва с Коризандой Генрих IV, несмотря на свои уверения в преданности до гроба, начал изменять возлюбленной при первом удобном случае. В 1587 году у него были интрижки с какой-то Мартиной, потом в Ла-Рошели с Эсфирью Имбер. Покидая Коризанду, король стал приискивать на ее место новую кандидатку, и выбор его пал на Антуанетту де Пон, молодую вдову убитого в Варфоломеевскую ночь маркиза де Гершвилля. После двух-трех встреч с этой величавой красавицей, державшей себя недоступно, чистой и холодной как лед, Генрих отважился на лестное предложение ей своего изношенного сердца.

– Я слишком ничтожна, чтобы быть вашей женой, – отвечала красавица, – но слишком хорошей фамилии, чтобы быть вашей любовницей!

Логика неотразимая, и победитель сердец со стыдом отступил. Волей или неволей именно в это время ему пришлось осаждать Париж и многие города, подобно столице королевства не желавшие признать над собой власть короля-кальвиниста.[11] Ужасы войны, голод и эпидемии в Париже не только не охлаждали в короле его любовного пыла, но как будто пуще его разжигали. Во время рекогносцировок в окрестностях столицы король останавливался в женских монастырях, превращавшихся тогда по его милости в капища Киприды. Монахиня в Лоншане, Екатерина из Вердена и Мария де Бовине, аббатиса Монмартра, вписали свои имена в соблазнительную хронику Генриха IV. После того несколько времени король покровительствовал Марии Бабу де ла Бурдезьер, родственнице дворянского дома д'Эстре, доводившейся двоюродной сестрой знаменитой Габриэли.

14 февраля 1559 года Антоний д'Эстре – губернатор-сенешаль

и первый барон Болоннэ, виконт Суассон и Берси, маркиз Кевр, губернатор Фера, Парижа, Иль-де-Франса, впоследствии генерал-фельдцейхмейстер – все эти титулы и чины бросил в грязь, сочетаясь браком с некоей Франциской Бабу де ла Бурде-зьер, хвалившейся, как подвигами, тем, что, когда она была *в девицах,* она пользовалась или, вернее, ее ласками пользовались: папа Климент VII в Ницце, Карл V в Париже и Франциск I в Фонтенбло. От мужа у Франциски было шесть дочерей и один сын, которых злые языки называли «семью смертными грехами». Габриэль, самая младшая, родилась в 1571 году. Зная по собственному опыту выгоды торговли живым товаром, мадам Бабу без околичностей занялась продажей своих дочерей именитым и богатым покупателям. Старшую дочь, Диану, приобрел герцог д'Эпернон, и при его содействии шестнадцатилетнюю Габриэль, стройную голубоглазую блондинку, *представили* королю Генриху III, за что он послал ее маменьке шесть тысяч экю, из которых две тысячи утаил его посланный Монтиньи, на что король, весьма основательно, изволил разгневаться.

Шеститысячная покупка вскоре, однако же, ему прискучила. «Бела и худощава, – отозвался о ней Генрих III, – точно моя жена!» Тогда Габриэль перешла к кардиналу Гизу; от него к герцогу де Лонгвиллю; от Лонгвилля к герцогу Белльгарду, а уже от Белльгарда – к Генриху IV, бывшему, в этом случае, *пятым.* Такова была Габриэль, которую Вольтер в своей «Генриаде» называет воплощенной непорочностью. Верьте после этого поэтам вообще, а Вольтеру в особенности: Габриэль д'Эстре, по его словам, – невинность, а *Орлеанская девственница* – потерянная женщина…

В начале 1591 года в Манте Генрих IV, очарованный рассказами герцога Белльгарда о Габриэли, пожелал увидеть это сокровище. Пришел, увидел и… не победил, но сам признал себя побежденным. Того же Белльгарда король попросил быть ему сватом, что возмутило и его, и бедную Габриэль. Последняя отвечала Генриху, что, кроме Белльгарда, никому не намерена принадлежать, и с этим словом из Манта уехала в Пикардию, в замок Кевр; Генрих – за ней. Надобно заметить, что все эти проделки происходили в военное время, когда кипела междоусобица; лес, окружавший Кевр, был наполнен неприятельскими пикетами, и Генрих из любовного плена легко мог попасть в другой, немножко неприятнее. Тем не менее с пятью товарищами король погнался за Габриэлью; в трех милях от замка сошел с коня, переоделся в крестьянское платье и с охапкой соломы на голове явился в убежище Габриэли. Эта солома на время поглотила лавры Генриха, а с ним обе его

короны – французскую и наваррскую. Мнимый крестьянин явился к Габриэли, но жестокая не умела достойно оценить самоотверженность короля: она расхохоталась, сказала ему, что «он до того гадок, что она видеть его не может!», и вышла из комнаты. Оставшись с ее сестрою, госпожой Виллар, Генрих выслушал извинения, оправдания и со стыдом возвратился в Мант, где о нем сильно беспокоились Морнэ и верный Сюлли. Потерпев неудачу как простой смертный, Генрих решил прибегнуть к своей королевской власти и вытребовал в Мант маркиза д'Эстре со всем его семейством. Этот маневр не привел ни к чему, так как сам король, боровшийся с лигёрами, часто вынужден был переезжать с места на место; Габриэль между тем удостаивала своей благосклонностью попеременно то Белльгарда, то Лонгвилля. Отец красавицы решился ее пристроить, выдав замуж за хорошего человека. Таковым оказался пожилой вдовец Николай д'Амерваль, сеньор де Лианкур, предложивший Габриэли руку и сердце. Она хотела отказать, но отец дал за нее согласие, а отца поддержал король, так как замужество Габриэли давало Генриху возможность действовать решительнее. Габриэль жаловалась, роптала; милый король утешал ее тем, что супруг ее будет таковым только по имени. Епископ Эврё (будущий кардинал дю Перрон) воспел это сватовство Габриэли в трогательной эпиталаме, в которой от имени невесты укоряет жестокого Генриха за выдачу ее за немилого, тогда как она любит его, короля… А она о короле и не думала! Габриэль вышла за Лианкура.

Верный своему обещанию, Генрих разлучил супругов, устраняя всякое сближение между ними под благовидными предлогами… Давая Лианкуру поручения по службе, король немедленно являлся к его супруге, которая теперь стала ласковее со своим державным обожателем. Ложное положение Лианкура разрешилось наконец разводом его с Габриэлью «по самым уважительным причинам»… Другими словами, за весьма почтенную сумму Лианкур возвел на себя напраслину в негодности к брачной жизни. Габриэль, юная вдовица при живом муже, осталась под надзором своей тетки, госпожи де Сурди. В доказательство истины, что добродетель без награды тоже никогда не остается, король дал Лианкуру место губернатора в Шартре… Все вошло в приличный порядок, и желанный успех вознаградил Генриха за первые неудачи. Любовь Габриэли к королю не мешала ей, впрочем, по старой памяти любить и Белльгарда. Не раз король заставал свою фаворитку наедине с ним; Белльгард убегал, король устраивал сцену Габриэли, оканчивавшуюся всегда его падением к ее ногам и мировой. О

счастливом соперничестве Белльгарда с королем существует множество рассказов в мемуарах того времени; все эти рассказы более или менее невероятны. Габриэль, достойная дочь мадам Бабу, могла дразнить ревнивого Генриха, могла при удобном случае его обманывать, но едва ли когда явно выказывала предпочтение герцогу перед королем, что с ее стороны было бы совсем нерасчетливо. Не менее сомнительно сказание, будто Генрих не один раз поручал убить Белльгарда: король мог быть ветрен, непостоянен, но лютости в нем не было. Король избавил себя от соперника, женив его на Анне де Бейль и удалив от двора. С этого времени Габриэль, в 1594 году подарившая королю сына Цезаря, оставалась ему верной.

Женщина пустая, охотница до нарядов, расточительница, ума недалекого, но любившая поумничать и давать советы, Габриэль, обожаемая королем, была нелюбима двором и народом. Сюлли в своих записках называет ее не иначе как *рыжачкой* (La Rousse), кальвинисты не могли ей простить ее настойчивости в том, чтобы король перешел в католицизм. Этот позорный подвиг совершен был в Сен-Дени 25 июля 1593 года, и, уведомляя о нем свою Габриэль, король называет переход в католицизм *опасным скачком* (saut perilleux). Во время вторичной осады Парижа Габриэль была при короле безотлучно, занимая небольшой павильон на высотах Монмартра. 22 марта 1594 года, в семь часов утра, произошло торжественное вступление короля в его столицу; в июне того же года в замке Куси, близ Лиона, Габриэль родила сына Цезаря. Это радостное для короля событие было отмечено фактом, который мог бы бросить очень невыгодную тень на личность великого короля, если бы, очевидно, не был вымышлен. Лейб-медик его величества д'Алибур, или Алибу (Aliboust), пользовавший Габриэль в первые месяцы беременности, был после ее разрешения отравлен ядом. В этом преступлении современники обвиняли короля, совершено же оно было будто бы вследствие того, что Алибур сообщил королю о несомненных признаках беременности тогда, когда Генрих еще не был в коротких отношениях с Габриэлью. Грубый анахронизм избавляет нас от труда оправдывать Генриха IV в небывалом злодействе. Мог ли король отрицать *законность* (в физическом смысле) происхождения своего сына, когда он сожительствовал с Габриэлью с 1592 года? Л'Этуаль в своем дневнике говорит, будто лейб-медик д'Алибур был отравлен Габриэлью (24 июля 1594 г.) за то, что донес королю, что рожденный ею ребенок – плод ее связи с Белльгардом… Опять вздор! Никакой доктор в мире не может с точностью определить, кто именно отец новорожденного из двух счастливых обожателей матери. В первые годы

царствования Генриха IV при борьбе двух религиозных партий враги, не довольствуясь оружием вещественным и тайными убийствами, пользовались весьма успешно и клеветой. Лигёры, бросая грязью в Генриха и его фаворитку, легко могли сплести небылицу на обоих по поводу смерти д'Алибура.

Какая, однако, ужасная эпоха! Войны и любовные похождения, нежные песенки и свист пуль, пиры с отравленными кубками, благоухающие будуары с трупами зарезанных и удавленников…

В ответ на дурные слухи о смерти д'Алибура Генрих IV торжественно въехал в Париж 15 сентября 1594 года вместе с Габриэлью; узаконил новорожденного Цезаря, дал фаворитке маркизат Монсо и поспешил ускорением своего развода с Маргаритой Валуа, чтобы жениться на Габриэли д'Эстре. 3 февраля 1595 года парижский парламент занес в свои реестры королевский манифест, из которого любопытнейший отрывок представляем вниманию читателей:

«…Почему желанием нашим было иметь потомков для наследия власти королевской. Так как Господу доныне еще не угодно было даровать нам детей от законного брака вследствие десятилетней разлуки нашей с супругой, мы возымели желание в ожидании законных наследников обрести иных, в семьях достойных и почтенных… *Посему,* сведав о высоких достоинствах и совершенствах ума и тела, соединенных в особе нашей милейшей и возлюбленнейшей госпожи Габриэли д'Эстре, мы в течение нескольких лет (?) искали ее расположения, как наиболее соответствующего нашим видам. Сближение наше с этой особой казалось нам тем возможнее и для совести нашей необременительнее, что брак ее с господином де Лианкуром признан расторгнутым и уничтоженным на основании существующих узаконений. Вследствие этого упомянутая дама после *долгих наших домогательств,* равно и повинуясь власти нашей, согласилась на предложения наши, и Богу угодно было даровать нам от нее сына, именуемого поднесь Цезарем с титулом *господина* (Monsieur). Кроме естественных чувств милосердия и любви родительской, как к родному детищу, мы при виде щедрых даров Бога и природы, которыми оделен новорожденный, питаем надежду, что дары эти с годами в нем разовьются, приумножатся и что от этой отрасли будут обильные плоды… *Решаем…* и т. д.»

…Решаем, доскажем мы неофициальным языком рассказчика, чтобы Цезарь был признан принцем крови и по неимению иного – наследником французского престола. Возведение Габриэли в звание маркизы Монсо последовало в марте того же 1595 года с

придачею замка в двух милях от Мо. Поэты воспевали красоту и высокие добродетели фаворитки… Как быть! Поэзия всех веков и народов не чуждалась приемных, даже прихожих сильных мира сего, при удобном случае и она не прочь добыть «кусочек сыру» тем же самым путем, как Лисица в басне. Поэт Паршер (Parcheres) за свой сонет на глазки Габриэли удостоился от монарших щедрот пенсии в 1400 ливров. Да что поэты!.. Историограф Генриха IV Пьер Маттье, хвалившийся перед королем прямизной и правдолюбием, не хуже льстивого поэта превозносил фаворитку до небес. «Король любил в ней не одни только наслаждения, – говорит Маттье. – Она была ему полезна своим противодействием многим интригам, так часто возникавшим при дворе. Король сообщал ей обо всех доводимых до его сведения распрях и каверзах, открывал ей душевные свои раны, и она всегда умела утишить его страдания, устраняя причину горя, примиряя ссорившихся. Весь двор сознавал, что фаворитизм Габриэли был подпорою для каждого, а не бременем, и многие радовались ее счастию. Сестра Генриха Екатерина и дочь Коли-ньи, вдова Вильгельма Оранского, удостоивали фаворитку самой нежной приязнью. Любовь к ней короля возрастала с каждым днем, выражаясь щедрыми подарками поместьев и титулов; последние исправляли должность ступенек, по которым Генрих IV намеревался возвести свою Габриэль на королевский трон. Как бы в подтверждение обещания жениться на ней король со своей руки отдал Габриэли государственный перстень, надетый им в числе прочих регалий во время обряда коронования. Этим перстнем он символически обручался с Францией, а после того – с Габриэлью. Она вместе с королем принимала депутации от покоренных городов, ключи и золотые блюда – дары покорности королю передавались им фаворитке из рук в руки. Принимал ли Генрих иностранных послов, совещался ли он с министром о государственных делах, Габриэль безотлучно была при нем, „как тень иль верная жена“. К сожалению, только именно женою-то и не могла быть фаворитка до тех пор, покуда не вышло разрешение папы о расторжении брака короля с Маргаритой Наваррс-кой; когда же оно вышло, Габриэль сошла в могилу.

Не довольствуясь коленопреклоненным двором перед своей возлюбленной, Генрих сумел – лаской и немножко лестью – заставить преклониться перед ней своих ворчунов д'Обинье и Сюлли. Первого он призвал к себе во дворец вскоре после покушения Жана Шателя (27 ноября 1594 г.). Поцеловав гостя, король повел его на половину Габриэли и отрекомендовал их друг другу, стараясь сблизить их интимной беседой. Часа два длился у них дружеский разговор, во время которого д'Обинье

очаровал фаворитку своим умом, а она его – миловидностью и любезностью. Здесь не можем не привести достопамятных пророческих слов д'Обинье в ответ королю на его рассказ о покушении Шателя. Последний, девятнадцатилетний семинарист, ученик иезуитов, пробрался на половину Габриэли в то самое время, когда там был король, только что возвратившийся из Пикардии. В ту самую минуту, когда король наклонился, чтобы поднять склонивших перед ним колени Раньи и Монтиньи, семинарист ударил его ножом, думая попасть в горло, но, попав в нижнюю губу, рассек ее и вышиб зуб.

– Ты что же дерешься?! – сердито вскрикнул Генрих, взглянув на стоящую близ него женщину и не понимая, откуда нанесен удар.

Злодея схватили тотчас же, и через два дня он был казнен. Рана короля оказалась неопасной; все лечение ограничилось небольшой лигатурой и куском пластыря.[12] Выслушав рассказ

Генриха и осмотрев рану, прямодушный д'Обинье, верный правилу (опасному при дворе) говорить то, что думаешь, *брякнул* королю, намекая на его отступничество от кальвинизма:

– Вы, государь, отреклись от Бога покуда еще только на словах, и за это Он покарал вас, допустив злодея рассечь вам губу. *Отречетесь сердцем – будете поражены в сердце!*

– Хорошо, но неуместно сказано! – воскликнула Габриэль.

– Согласен, – отвечал д'Обинье, – слова эти неуместны, если не будут приняты к сведению.

Сближение д'Обинье с фавориткой было упрочено взятием первым на свое попечение и воспитание ее сына, Цезаря. Пришлось оказывать этому ребенку родительские ласки именно тому человеку, который постоянно журил короля за его слабость к прекрасному полу. Строгий д'Обинье, как видно, твердо верил, что Габриэль будет законной женой Генриха IV и королевой французской.

Женой, как мы уже говорили, она могла быть только в случае формального развода Генриха с Маргаритой; чтобы быть королевой, ей еще следовало дождаться того дня, в который Генрих окончательно будет сам королем Франции, не по титулу, то есть на словах, а на деле. Именно в эпоху его связи с Габриэлью он область за областью приводил себе к повиновению, один город подносил ему ключи и отворял ворота, другой приветствовал боевыми зарядами; в одной области кричали: «Ура Генриху!», в другой: «Да здравствует Лига или Карл X!» Злоумышления, заговоры возникали на каждом шагу; Испания грозила отнять у Генриха отцовское его наследие, королевство наваррское. Настоящим королем Франции и Наварры

родоначальник Бурбонов смог назваться только в 1600 году, когда Габриэли уже не было на свете.

Подобно Юпитеру, Генрих IV золотым дождем осыпал свою Данаю, оделяя своими щедротами даже тех, кому покровительствовала его возлюбленная. В 1594 году ей было подарено имение Вандейль, в 1595-м – в Креси, в 1596-м – Монсо и Жуань (Joignes), в 1597 году король купил для нее герцогство Бофор, вместе с тем пожаловав ее из маркизы Монсо в герцогини. Кроме того, Габриэлью приобретены были: поместья Жикур и Лузикур от Гизов; Монтретон и Сен-Жан; герцогство д'Этамп от Маргариты Наваррской. Тетушке своей, госпоже де Сурди, фаворитка выхлопотала аренду в 50 тысяч ливров годового дохода. В дневнике л'Этуаля и многих мемуарах того времени подробно описаны ее наряды и драгоценности, которым могла позавидовать не одна настоящая королева. Как видно, не без основания придворные обвиняли фаворитку в корыстолюбии. Поэт-лизоблюд из лакейской фаворитки Вильгельм дю Сабль, думая уязвить недовольных, влагая в их уста следующий совет, будто бы даваемый ими Габриэли, только охарактеризовал ее систему наживы:

> Подумай о себе: фортуна своенравна;
> Теперь ее щедрот из рук не упускай,
> На черный день богатства припасай,
> Дела свои вообще обделывай исправно —
> И верных слуг себе любовью привлекай![13]

Просим прощения за дубоватый перевод не менее дубоватого подлинника. Не одних льстецов вдохновляла Габриэль; очарованный ее прелестями, Генрих IV собственной персоной ударился в поэзию и кропал в ее честь стишки, из которых одна песенка удостоилась даже сделаться народной… В исходе прошедшего века, по крайней мере, ее распевали во Франции:

> Мне сердце грусть терзает,
> Красавица моя!
> Ах, слава призывает на ратные поля!
> На это расставанье
> Могу ли не роптать,
> Когда за миг свиданья
> Готов я жизнь отдать![14]

Смысл немножко прихрамывает, но именно в этом-то и

достоинство этих нежных стишков: где истинная любовь, там логика всегда в отсутствии. Генрих, человек экзальтированный, восторгался до сумасбродства или (что одно и то же) до стихоплетства, любя: Коризанду, Габриэль, Мартину, Бретолину, Ла Гланде, мамзель Фаннюш и т. д. Подобных муз у него было (вместо узаконенных *девяти)* ровно *семью восемь.* Изобретательный на эпитеты своим возлюбленным, он назвал Диану де Грамон *прекрасной Коризандой; с* именем Габриэли д'Эстре неразлучно было прилагательное: *прелестная* или *очаровательная* (charmante). Прозвища эти можно назвать тоже своего рода титулами.

Детей у Габриэли от короля было трое: сыновья Цезарь, Александр и дочь Екатерина-Генриэтта. Все трое были узаконены и признаны с присвоением им достоинства *детей Франции.*[15] Таким образом, у Генриха IV, кроме запасной супруги, не было недостатка и в наследниках. Исчисляя щедроты короля фаворитке, распространявшиеся даже на ее родных, мы позабыли сказать, что отец ее был пожалован в генерал-фельдцейхмейстеры, к крайнему неудовольствию Сюлли, домогавшегося этой важной должности. Эта несправедливость была одной из причин непримиримой ненависти, которую этот великий муж питал к фаворитке, ненависти, с трудом скрываемой под маской уважения.

В 1598 году нескончаемое дело о разводе приблизилось к развязке. Генрих IV, только что завоевавший Бретань, находился тогда в Рейне, проводя время в забавах и на охоте. Раз, после обеда у верховного судьи, король, взяв Сюлли под руку, увел его в сад и начал весьма серьезный разговор о необходимости иметь законную жену и наследников, причем выразил желание выбрать себе первую преимущественно из среды французской знати. Сюлли отвечал советом последовать примеру Артаксеркса при выборе им Эсфири, то есть созвать красавиц со всех концов королевства и выбрать себе из них в супруги достойнейшую. Генрих очень хорошо понимал, что Сюлли заранее угадывает, о чем он хочет вести речь, но нарочно прикидывается простаком, выжидая решительного слова от самого короля.

– О тонкая, лукавая бестия! – воскликнул тот наконец. – Ведь вы очень хорошо знаете, *о ком я* думаю, что вам лучше, нежели кому другому, известно все. Вы желаете, чтобы я назвал эту особу? Я назову… Что бы вы сказали мне, если бы я именно на ней вздумал жениться?

– Я сказал бы вашему величеству, – отвечал Сюлли, – что, кроме всеобщего неудовольствия, стыда и раскаяния, которые вы этим навлечете на себя, едва ли вам будет возможно выпутаться

из затруднений с детьми, прижитыми вне брака, детьми, извините, весьма двусмысленного происхождения. За дочь вашу не поручусь, но что Цезарь рожден *ею* во время ее связи с Белльгардом – это почти не подлежит сомнению. Дитя, которое вы теперь ожидаете, будет, во всяком случае, рождено вне брака… Подумайте, в какие отношения к этим детям будут поставлены те, которые будут у вас после законного брака?…

– Все уладится к лучшему, – торопливо перебил Генрих. – Даю вам слово не говорить ей о нашей беседе, чтобы не поссорить вас с ней. Она вас любит, уважает, но вместе с тем сомневается в вашем расположении и говорит всегда, что для вас королевство и моя слава всегда дороже личного моего удовольствия, даже – меня самого…

В апреле того же 1598 года Габриэль родила сына Александра. Пышный церемониал при его крещении, приличный разве только при крещении законных детей королевских, заставил Сюлли вступить в открытую борьбу с фавориткой. Сократив расходы и изменив некоторые параграфы программы, он сердито сказал распорядителям: «Пусть будет по-моему. Никаких детей Франции знать не хочу!» Назначенные для участия в церемонии чиновники решили идти с жалобой к фаворитке, но Сюлли предупредил их, отправясь к королю. Генрих раскричался, вышел из себя и послал Сюлли к Габриэли для объяснений.

Фаворитка приняла его с самым оскорбительным высокомерием; при первой же колкости с ее стороны Сюлли возвратился к королю. Генрих, которому пришлось рассудить любовницу и друга, душой не покривил, приняв сторону правого. Вместе с обиженным, даже в его карете, король приехал к фаворитке. Вместо обычной ласки и поцелуя, взяв за руку ее и Сюлли, Генрих прочитал ей нравоучение.

– Это вы, сударыня, что же изволите делать? – сказал он сурово. – Досаждаете, делаете мне неприятности, чтобы терпение мое испытывать, что ли? Кто же это вам дает такие добрые советы? Клянусь Богом, если вы будете продолжать таким образом, так очень и очень отдалитесь от исполнения ваших желаний, потому что я не намерен из-за глупых фантазий, которыми я знаю какие люди набивают вам голову, терять лучшего и честнейшего из моих слуг! Знайте, что я любил вас преимущественно за кротость, любезность и уступчивость, а не за упрямство или сварливость… Если вы вдруг так меняетесь к худшему, то я вправе подумать, что до сих пор все это было одно притворство, и вы сделаетесь самой обыкновенной женщиной, если я возвышу вас, как вы этого желаете!..

Фаворитка залилась слезами, стала целовать руки королю,

потом прибегла к обычному маневру своенравных, капризных женщин, когда они не могут поставить на своем, то есть в истерике начала метаться из стороны в сторону, бросилась на постель, призывая смерть и укоряя Генриха за то, что он предпочитает *лакея,* на которого все жалуются, любовнице, всеми любимой и уважаемой. Король смягчился, стал уговаривать Габриэль помириться с верным Сюлли, быть терпеливой, покорной… Не обошлось дело без уверений, с его стороны, в неизменной к ней любви и верности. Габриэль не унималась и продолжала ныть и стонать; тогда, окончательно рассерженный, Генрих объявил ей, что если бы ему пришлось пожертвовать одним другому, то он охотно отдаст десять таких любовниц, как Габриэль за одного верного слугу, каков Сюлли. Фаворитка поняла, что в капризах своих зашла слишком далеко, и пала духом. В сердце ее закралось сомнение в чувствах короля и почти отчаяние в осуществлении ее заветной надежды попасть в королевы. Дочь своего времени, женщина ограниченная и суеверная, Габриэль стала совещаться с знахарями, гадателями, астрологами. Ответы их, таинственные, двусмысленные, уклончивые, только пуще нагоняли ужас на малодушную.[16] Она искала успокоения в религии, но и церковь, прибежище и утешение всех скорбящих, устами проповедников, служителей своих, осыпала фаворитку угрозами и упреками. Так, в воскресенье 27 декабря 1598 года, в день праздника св. евангелиста Хуана (по католическим святцам), священник церкви Сен-Лё и Сен-Жилля в проповеди своей сказал, что в нынешнее время во Франции праведников, подобных Иоанну Крестителю, мало, зато Иродов великое множество. Другой проповедник, Шаваньяк, говоря проповедь на тот же текст об убиении Иоанна Крестителя по просьбе Ироди-ады, заметил, что «при дворе каждого царя самое опасное чудовище – блудница, которая особенно много делает зла, когда ее подстрекают другие». В дочери Иродиады Габриэль угадывала себя, в подстрекателях – свою милую родню. Мучимая страхом и предчувствиями, фаворитка целые дни и ночи проводила в слезах. Чувство любви к ней заменялось в сердце Генриха чувствами жалости. Данное ей слово он решил сдержать по получении формального отречения от Маргариты и благословения от его святейшества папы. Первая поступала с непростительной бессовестностью: она медлила отречением от прав супруги, обнадеживая Габриэль льстивыми письмами и через нее вымогая у Генриха щедрые взятки… Папа Климент VIII медлил. По городу и при дворе ходили о короле и фаворитке самые оскорбительные слухи, злоязычники не скупились и на пасквили.

Около 20 января 1599 года Генрих отправил в Рим письмо к его святейшеству, умоляя поспешить с разрешением развестись с Маргаритой. За это Генрих IV обещал быть вернейшим рабом папы и ревностным блюстителем интересов церкви. Посланники его в Риме, Силлери и д'Осса, задаривали кардиналов, торопили, грозили. История Генриха VIII английского, ради женщины отложившегося от римско-католической церкви, у всех еще была на памяти. Когда до слуха Климента VIII дошли слова посланников, что король в случае дальнейшей проволочки *обойдется и без папского разрешения,* папа сослался на приближавшийся Великий пост, в продолжение которого он усердно молился Богу *вразумить* его или *помочь* ему… В первых же числах апреля папа объявил приближенным, что Бог, вняв его молитвам, помог ему. Действительно, вскоре пришло известие в Рим о скоропостижной смерти Габриэли д'Эстре, герцогини Бофор: яд сделал свое дело, и гнусное убийство было богохульно названо проявлением Божественного промысла! В этом факте иезуитизм весь, как в зеркале…

Вот рассказы современников о таинственной смерти Габриэли. Приближался Светлый праздник, бывший в 1599 году 11 апреля. Герцогиня Бофор (Габриэль), будучи на четвертом месяце беременности и чувствуя себя нездоровой, прибыла вместе с королем в Фонтенбло на Вербной неделе. По настоянию духовника своего Рене Бенуа король на время Страстной недели решил отправить свою фаворитку в Париж, где она намеревалась говеть. Они распростились, оба заливаясь слезами, и по просьбе фаворитки Генрих проводил ее до Мо, откуда она отправилась водой. «Долго они плакали, – рассказывает очевидец Сюлли, – а разъехавшись в разные стороны, часто оглядывались и перекликались. При этом последнем расставании Габриэль поручала королю детей, весь свой дом, прислугу. Растроганного короля едва высвободили из объятий фаворитки маршал Орнано, Рокелор и Фронтенак». Все это происходило в понедельник Страстной недели, 5 апреля 1599 года. Прибыв в Париж, фаворитка остановилась в доме королевского банкира Цзаметти, бывшего башмачника Генриха III, ныне страшного богача, не чуждого политическим интригам, друга и приятеля Фуке Ла Варенна, подобно ему, из ничтожества (Ла Варенн был поваром у сестры Генриха) достигшего должности королевского секретаря. Цзаметти и Ла Варенн оба были учениками иезуитов и орудиями ватиканского кабинета во Франции. В дом Цзаметти, «вертеп роскоши, распутства и злодейства», вступила Габриэль в сопровождении Ла Варенна одна, без свиты, без друзей… В этом роскошном жилище, с первого же взгляда показавшемся ей богато убранным гробом, фаворитка должна была готовиться к таинству причащения, размышлять о суете мирской и своих грехах, прислушиваясь к заунывному гулу церковных колоколов и шуму вечно живого города. Мы рассказывали об Анне Болейн в лондонском Тауэре: летописи сохранили нам подробности о ее предсмертной истоме и ужасе перед казнью; история записала даже последние ее слова… Но, сравнивая Анну с Габриэлью, нельзя не сознаться, что положение последней было ужаснее и ее безмолвие, одиночество, безотчетный страх или, вернее, предчувствие были несравненно мучительнее.

Первым посетителем фаворитки был Сюлли, явный ее недоброжелатель; но и тому она была рада и, преодолевая отвращение, осыпала его любезностями, уверениями в дружбе, искреннем расположении… Лицемерила она или по долгу христианки перед исповедью мирилась с врагом? Ответ на этот таинственный вопрос фаворитка унесла с собой в близкую к ней тогда могилу. Уехавшего Сюлли заменила жена его, женщина сухая, чопорная, надменная. К ней Габриэль была еще ласковее и

при прощании с ней выразила неосторожное желание видеть ее при отходе ко сну и при пробуждении (ses levers et ses couchers), что могла сказать только настоящая королева.

Жена Сюлли возвратилась к нему в совершенной ярости от обиды, и оба отправились в свое поместье Рони. Утешая жену, Сюлли сказал многознаменательные слова: *«Дай срок, друг мой: туго натянутая струна скоро лопается…»*

После семейства Сюлли навестила полубольную Габриэль веселая, вертлявая, вечно живая принцесса Конти, если не любившая фаворитку, то, по крайней мере, умевшая ей ловко льстить, подражавшая ей в нарядах, в угоду ей носившая постоянно любимый Габриэлью зеленый цвет. Болтовня принцессы несколько рассеяла тоску фаворитки.

В среду, 7 апреля, Габриэль исповедовалась в церкви Св. Павла. Видимо, довольная исполнением священного долга, радуясь приближению праздника, Габриэль обедала с аппетитом, и тем большим, что ее амфитрион Цзаметти *потчевал ее любимейшими блюдами и лакомствами…* (В это самое время, вероятно, папа Климент VIII молился в своей ватиканской часовне.) После обеда Габриэль в портшезе, охраняемом капитаном Мон-базоном, сопровождаемая дамами, отправилась в соседнюю домовую церковь к вечерне. Бывшая при ней мадемуазель де Гиз во время богослужения показывала ей самые радостные письма из Рима о скором разрешении королю сочетаться браком со своей возлюбленной, уверяя ее, что Генрих завтра же отправит в Рим преданного Габриэли Форте за давно желанным разрешением. Мадемуазель де Гиз сопровождала будущую королеву домой из церкви, откуда Габриэль вышла до окончания службы, жалуясь на головокружение и темноту в глазах. Дома фаворитка прогулялась по саду, потом скушала апельсин или немного салату и тогда-то, говоря, что ей хуже, упала, будто убитая громом. Ее перенесли в спальню, раздели, и она очнулась, но была как будто в отупении… Новые припадки не замедлили себя ждать: с фавориткой сделались жестокие судороги, во время которых с воплями, раздиравшими душу, она часто хваталась за воспаленную голову. Прошел кризис, и Габриэль настойчиво требовала у Ла Варенна, чтобы из «ненавистного» дома Цзаметти, «где бы ей не следовало останавливаться», ее немедленно перенесли к тетке ее, в монастырь Сен-Жермен, что и было исполнено.

Здесь слабой, дрожащей рукой она написала письмо к королю, заклиная его позволить ей приехать к нему не теряя ни минуты. Письмо это было отправлено в Фонтенбло с дворянином Пюиперу (Puypeyroux), преданным Габриэли. Чтобы сократить

время ожидания, несчастная женщина стала было читать письма Генриха, с которыми никогда не разлучалась, однако же не могла из-за нового припадка, продолжавшегося до самой смерти. Предатель Ла Варенн написал королю два письма, в первом уведомляя его о болезни, а во втором уже о смерти Габриэли, всячески отговаривая его ездить к ней… Злодей боялся, чтобы его жертва не высказала королю тайны ее отравления. Но Пюиперу прибыл вовремя, и Генрих, прочитав письмо, в ту же минуту решил ехать к умирающей. Письмо Ла Варенна застало его в Эссонне, откуда по настоянию вельмож убитый, растерявшийся король поехал обратно в Фонтенбло. В аббатстве Соссэ, в Вилльжюифе, с Генрихом случился страшный нервный припадок, и он слег в постель…

Габриэль скончалась утром в субботу 10 апреля, несмотря на все старания доктора Ла Ривьера спасти ее. Бывшая при агонии придворная дама госпожа де Мартиг, приставая к умирающей с утешениями, громко читая отходную, ловко обирала с ее пальцев драгоценные перстни, нанизывая их на свои четки. Габриэль умирала на руках Ла Варенна, и, по словам очевидцев, страдания ее были невыносимые, а судороги сводили ей рот к затылку, голову же заворачивали к пяткам. По трупу выступили пятна, что, по словам суеверов, было очевидным доказательством… не отравления, а «наваждения диавольского». Ну разумеется! Тетка покойной, госпожа де Сурди, одела покойницу белым покровом и положила ее на парадный одр пунцового бархата с золотыми галунами. Похороны происходили в понедельник 12 апреля в церкви Св. Германа Оксеррского или, как говорит д'Этуаль, в Мобюиссоне. Вскрытие трупа ничего не дало, что неудивительно при невежестве тогдашних анатомов и искусстве токсикологов: итальянские яды XVI века едва ли могли быть уловимы аппаратом Марша или современным микроскопом.

Ровно через семь месяцев после смерти Габриэли Маргарита прислала Генриху IV формальное отречение от своих прав супружеских и притязаний на королевскую корону.

В отчаянии Генрих возвратился в Фонтенбло и, выбрав из среды придворных Рокелора, Белльгарда, Фервака, Кастельно и Бассомпьера, всех прочих послал в Париж для отдания покойной последнего долга. За верным Сюлли в Париж был послан нарочный курьер. Друг короля встретил посланного с нескромной радостью, угостил его на славу, а прибежав к жене, самодовольно потирая руки, сказал ей: «Хорошая новость, друг мой! Теперь ты уже не будешь присутствовать при туалетах герцогини! – *струна лопнула!* Но, – прибавил он, – так как Бог ее прибрал, то и желаю ей всяких благ!..»

Прибыв к королю, верный Сюлли принялся утешать его, пустив в ход свое красноречие; хор придворных примкнул к нему, а Фервак имел даже смелость сказать Генриху IV, что смерть Габриэли чуть ли не милость Божия.

– Пожалуй, что и так! – невольно сорвалось с языка у доброго короля.

Впрочем, это не помешало ему наложить на себя траур: носить восемь дней одеяние черное и два с половиной месяца – фиолетовое. Парламент и иностранные посланники явились к королю с выражением участия к его душевной скорби; первый присовокупил к ним желание скорейшей женитьбы короля на принцессе королевского рода. Сестра Генриха IV, герцогиня де Бар, трогательным письмом уверяла его, что дети Габриэли заменят ей родных, а она заменит им мать. Благодаря сестру за участие, Генрих IV в своем письме отпустил фразу: *«Иссох корень любви моей и не даст более ростка никогда».* Это напоминает нам эпитафии с выражением желания скорого соединения, которыми неутешные вдовцы и вдовы украшают памятники жен и мужей, а сами вторично и третично женятся и замуж выходят.

В начале октября того же 1599 года Генрих IV уже был в связи с Генриэттой д'Антраг; в декабре сватался за Марию Медичи, в подарок которой послал драгоценности, *дешево* купленные у наследников Габриэли,[17] а через два года подарил супруге замок Монсо, принадлежавший той же фаворитке…

Займемся теперь вместе с Генрихом IV его новой любовью (по счету номер 35) Генриэттой д'Антраг, маркизой де Вернейль. Коризанда была здоровенной, толстой бабой, Габриэль д'Эстре – миловидной, грациозной женщиной, в Генриэтте король встретил демона в образе женщины… Очень приятная встреча.

Вскоре после смерти Габриэли Генрих IV покинул Фонтенбло, где для него было слишком много грустных воспоминаний и слишком мало развлечений. Намереваясь по совету людей государственных сочетаться законным браком с невестой, избранной в одном из владетельных домов Европы, король французский пожелал как следует распроститься с холостьбой, то есть нагуляться досыта и повеселиться вволю. Прибыв в Париж в конце лета 1599 года, окруженный толпой разгульной молодежи, Генрих предался необузданному веселью, проводя время в пирах, счастливо ухаживая за женщинами всякого разбора, ни к одной не привязываясь сердцем, еще болевшим при воспоминании о Габриэли. Бывали минуты, когда в разгаре пиршества король задумывался, морщил лоб и в бокал вина невольно ронял несколько слезинок, таким образом – буквально – топя горе в

вине. Шутки окружающих, однако же, разгоняли облака печали, и слезы быстро сменялись самым беззаботным смехом… Так мало-помалу сердечная рана Генриха стала заживать, он начал задумываться уже не о покойнице, но о новом предмете прочной привязанности, в которой независимо от наслаждений чувственных он мог бы найти отраду душевную. Ла Варенн, поставщик Генриха по любовной части или, вернее, министр сердечных дел короля, шепнул ему о Генриэтте д'Антраг, дочери Франциска де Бальзака, губернатора Орлеанского, и бывшей фаворитки Карла IX Марии Туше, с которой Бальзак с 1578 года состоял в законном браке. Генриэтта родилась в 1579-м, и ей во время знакомства с Генрихом IV было двадцать лет; собой она, разумеется, была красавица, хотя в чертах лица, во взгляде, в улыбке и проглядывало что-то коварное, кошачье. Кроме Генриэтты у Марии Туше была еще дочь Мария (от мужа) и сын Карл (от Карла IX), родившийся 28 апреля 1573 года. Несмотря на прозвище незаконнорожденного, или пригулка Валуа (batard de Valois), Карл был великим приором Франции, впоследствии графом Овернским и Лораге, графом Пуатье и, наконец, герцогом Ангулемским. Человек беспокойный, честолюбивый, коварный, он был создан, чтобы всю свою жизнь участвовать в крамолах и заговорах, точно так же, как и Генриэтта, достойная его сестрица. Мария Туше, из королевских фавориток сделавшаяся законной женой знатного вельможи, преобразилась к лучшему, являя собой образец доброй и заботливой матери. Обеих дочерей она воспитывала сама, в правилах строгой нравственности и, будучи превосходно образована, дала им образование, приличное разве только принцессам, рассчитывая на хорошие партии. К сожалению, не пошло им впрок ни воспитание, ни образование: Генриэтта была фавориткой Генриха IV, Мари, младшая ее сестра, была любовницей Бассомпьера.

Знакомство короля началось с переписки. Меркуриями короля были граф де Люд и Ла Варенн и должность свою исполняли с их обычным усердием. Генриэтта принимала письма, но на устные любезности короля отвечала улыбкой, на робкое рукопожатие тем же, но… далее этого интрига не простиралась. Примеры Коризанды и Габриэли научили лукавую Генриэтту осторожности; руководимая матерью и зная себе цену, она решилась продать свои ласки недешево, не более и не менее как за королевскую корону. Генрих увлекался, как юноша; во всех своих привязанностях, отодвигая свое достоинство на последний план, он был только человеком, даже слабым, бесхарактерным; но не такова была Генриэтта. Дочь Марии Туше, несмотря на свою молодость, была из породы тех милых, честнейших, невиннейших

девиц, которые умеют ответить грозным взглядом на слова любовного признания, которые с ледяным равнодушием будут смотреть на слезы и страдания влюбленного, если только он не богат и не знатен, одним словом – не партия, их достойная; которые, наконец, идут за дряхлую обезьяну, если она с безобразием соединяет знатность происхождения и богатство. Грустно и больно видеть девушку, необдуманно жертвующую своей непорочностью, удостоивающую своей взаимностью первого встречного – нельзя не пожалеть об этой чистой жемчужине, втоптанной в грязь. Нельзя, однако же, не почувствовать если не негодования, то презрения к красавице, гордящейся своей непорочностью, колящей глаза всем и каждому строгостью своих правил, ищущей выгодного себе покупщика, хотя и в лице законного мужа, но без малейшего участия сердца… Подобным красавицам жизнь легка именно потому, что они не живут, не умеют чувствовать, а не чувствуют ничего потому, что в их белоснежной груди кусок белоснежного мрамора вместо сердца. Такова была Генриэтта де Бальзак.

Вот одно из первых к ней посланий Генриха IV в исходе сентября 1599 года:

> «Дорогая любовь моя, вы требуете, если я люблю вас, чтобы я преодолел все препятствия к совершенному нашему удовольствию. Силу любви моей я уже достаточно доказал вашему семейству, со стороны которого после моих предложений не должно уже быть никаких препятствий. Я исполню все, о чем говорил, но сверх сказанного – ничего более. С удовольствием повидаю г. д'Антрага (отца) и до тех пор не дам ему покоя покуда дело наше не будет решено. Мне донесли, что недели через две готовятся здесь в Париже какие-то смуты вашим отцом, матерью и братом, которые могут расстроить все наше дело; завтра мне скажут, чем и как все уладить. Добрый вечер, сердце мое, целую вас миллион раз».

Затруднения и переговоры, о которых Генрих IV сокрушается в этом письме, были не что иное, как торги и переторжка. Родители Генриэтты набивали цену на продажу ее первой ласки королю. Сто тысяч экю он им посулил. Мало! Обещал еще столько же – все не то. Деньги деньгами, но и честь честью; Генриэтта объявила королю, что ответит ему взаимностью тогда только, когда он даст ей, кроме денег, небольшой документ, нечто вроде сохранной расписки, содержание которой мы увидим ниже. «Без этого, – прибавила красавица, – о любви моей не смейте и

думать!»

Все эти переговоры происходили в замке д'Антрага, где гостил король под предлогом поездки на охоту. Не давая решительного ответа, Генрих IV уехал в Фонтенбло, часа два просидел в кабинете, выйдя оттуда с какой-то бумагой в руках, кликнул Сюлли и молча повел его за собой в галерею. Здесь он робко осмотрелся, подал таинственную бумагу своему другу и отошел к окну, скрывая яркую краску, выступившую у него на лице. Помимо воли Генриха, королевская кровь заговорила в нем в эту минуту.

Сюлли, не возмутимый ничем, в отношении короля верный правилу nil admirari (ничему не удивляться), развернул рукописание его величества и прочел:

> «Мы, Генрих Четвертый, Божией милостью король Франции и Наварры, обещаем и клянемся перед Богом, заверяем словом королевским мессира Франциска де Бальзака, сеньора д'Антрага, кавалера наших орденов, в том, что, принимая от него нам в подруги девицу Генриэтту-Катерину де Бальзак, дочь его, обязуемся: в случае беременности ее в течение шести месяцев от сего числа и рождения ею сына немедленно взять ее в законные супруги, освятив брачный союз пред лицом святой нашей церкви, со всеми подобающими тому обрядами и торжественностью. Для вящего же удостоверения действительности сего обещания обещаем и клянемся ратифицировать и возобновить его с приложением государственной печати немедленно по получении нами от его святейшества папы формального акта о расторжении нашего брака с Маргаритой Французской и разрешении вступить в новый, с кем нам заблагорассудится. В удостоверении чего подписуемся. В лесу Мальзерб, сего 1 октября, 1599.
>
> *Генрих».*

Сюлли сложил бумагу и молча возвратил ее королю.

– Что ты на это скажешь? – спросил Генрих не без смущения.

– Ничего, государь!

– Я требую твоего мнения.

– Чтобы высказать мое мнение, надобно подумать; на то, чтобы подумать, нужно время.

– Но ты друг мне, любишь меня, искренне мне предан, и потому…

– И потому именно прошу вас дать мне срок.

– Да какой тут срок, отвечай прямо!

– Вы не рассердитесь?

– Нет, не рассержусь.

– Заверяете меня в том вашим словом?

– Заверяю, будь спокоен… Что же?

Сюлли, взяв из рук короля роковую бумагу, разорвал ее пополам.

– Вот мое мнение! – прибавил он со всей холодностью и спокойствием здравого смысла.

Генрих, несмотря на свое обещание не сердиться, вспыхнул и вскричал:

– Черт возьми, что же это? Вы с ума сошли?

– Правда, государь, – отвечал герой, – я безумец, дурак и хотел бы в эту минуту быть единственным дураком во всей Франции!..

Желая более всего вразумить короля, Сюлли во всех подробностях объяснил ему неблагоразумие подобного юношеского увлечения, напомнил о подобных подписках, выданных Коризанде и Габриэли, говорил о скандале, о тех насмешках, которые навлечет на Генриха документ, роняющий его достоинство. Король слушал молча, покусывая губы, и быстро ушел в кабинет, где написал второй экземпляр своего обещания, и под предлогом поездки на охоту поскакал к Генриэтте.

Получив от короля документ, вязавший его по рукам и по ногам, его возлюбленная в свою очередь сдержала данное слово и пламенными ласками вознаградила Генриха за его терпение и уступчивость. Двое суток блаженствовал король в замке своей возлюбленной, заплатив ей, согласно договору, сто тысяч экю, присланных по его приказанию негодующим Сюлли. Чтобы хоть чем-нибудь досадить королю и его новой фаворитке, друг Генриха прислал эти сто тысяч малыми суммами, разложенными на множество мешков.

– Дорогонько, однако! – сказал король, увидя груды золота, которыми наградил Генриэтту.

Дорого, да мило, мог бы сказать ему в утешение Сюлли, теперь не щадивший своими сарказмами почтенное семейство д'Антраг. Он припоминал, как родители Генриэтты прогнали графа де Люда, месяц тому назад присланного к ним королем для переговоров, как они, радея о целомудрии дочери, прятали ее от Генриха в Маркусси, а теперь уступили, побежденные золотом.

Кроме золота, однако, у них в руках было драгоценное письменное обязательство Генриха.

Прошел месяц. В середине ноября 1599 года коннетабль Монморанси, канцлер Помпонн де Белльевр, Сюлли и Вилльруа вошли в переговоры с флорентийским посланником Джиованни о

бракосочетании короля французского Генриха IV с принцессой тосканской Марией Медичи. Как-то, именно во время этих переговоров, Сюлли явился с докладом к королю, который спросил, что он поделывает?

– Думаем женить вас, государь! – отвечал тот, самодовольно потирая руки.

Король покраснел и, не говоря ни слова, стал грызть ногти, глаза его как будто избегали встречи со взглядом Сюлли, а между тем улыбка так и порывалась на принужденно-серьезное лицо Генриха. Хлопнув в ладоши, он сказал наконец:

– Быть делу так! Если вы говорите, что с женитьбой моей соединено благо королевства и моих подданных – я женюсь, хотя, признаться, боюсь этого брака. Первая жена наделала мне много неприятностей, что, если вторая окажется своенравной, капризной? Домашние несогласия для меня несноснее политических распрей и всяких воинских схваток.

Начало 1600 года не предвещало Генриху IV ничего доброго. Сватовство длилось утомительно долго, оно было поводом к объявлению войны герцогу Савойскому для получения от него маркизата Салуццо, оттянутого еще в 1588 году у Генриха III; ко всем этим неприятностям Генриэтта, объявившая себя беременной, делала своему возлюбленному неприятные сцены, плакала, упрекала, грозилась «подать ко взысканию» проклятую подписку. Король пожаловал ей маркизат Вернейль, дал слово выдать ее за принца крови, герцога Неверского, в случае, если расстроить союз с тосканским домом будет невозможно. За это Генрих надеялся получить обратно свою расписку от Генриэтты, но она не выпускала ее из рук. Видя, что фаворитка не хочет уважать его просьбы, Генрих прибегнул к приказанию и 21 апреля 1600 года послал Генриэтте и ее родителю следующие грамоты:

> «Сударыня! Любовь, почести и милости, которыми я взыскал вас, могли бы привязать ко мне самое легкомысленное существо, если бы оно не было одарено таким дурным характером, как ваш. Более язвить не стану, хотя, как вы сами знаете, должен бы язвить и мог бы. Прошу вас возвратить мне известное вам обещание, чтобы не заставить меня добывать его иным путем; пришлите также и перстень, данный мною вам на этих днях. Ответ – сегодня к ночи.
>
> *Генрих»*

В другом письме, к отцу Генриэтты, проглядывают робость и сдержанность:

«Г. д'Антраг, податель сего послан мною за письменным обещанием, данным мною вам в Мальзербе. Прошу вас неотлагательно возвратить, а если желаете, лично доставить его ко мне, тогда вы узнаете, что причины, к тому меня побуждающие, чисто домашние, а не политические. Вы сами удостоверитесь, что я прав; увидите, что были обмануты (?) и что у меня, могу сказать, слишком добрый характер. Уверенный в исполнении моего вам приказания заключаю уверением, что я вам благоволю.

Генрих»

Расписки своей король не получил, однако же дело на время уладилось, и Генрих занялся нежной корреспонденцией со своей невестой Марией Медичи, с которой брачный контракт был подписан в ноябре 1600 года. Перед тем, в конце июня, Генрих отправился на войну с Савойей, до Лиона его провожала Генриэтта, близкая к разрешению от бремени. Король одновременно успевал воевать с неприятелями и обмениваться письмами с фавориткой и невестой, уверяя ту и другую в нежнейшей любви и преданности «до гроба». В июле с Генриэттой случилось несчастье, на которое даже тогдашние вольнодумцы смотрели как на проявление Божественного промысла. Над замком Монсо разразилась страшная гроза, и Генриэтта, испуганная громовым ударом, родила мертвого младенца. Этот удар избавил Генриха от исполнения данного обязательства или, по крайней мере, дал ему возможность сослаться на буквальный смысл расписки: он обещал жениться на Генриэтте, если Бог даст ей сына – конечно, живого, но не мертвого.

Фаворитка довольно долго хворала, и король во время ее болезни оказывал ей самую нежную внимательность, несмотря на которую, однако же, Генриэтта поняла, что планы ее рушились. Оправясь от болезни, она следовала за Генрихом по пятам в Лион и Шамбери. В первом городе ей устроили триумфальную встречу, Генрих послал ей знамена, отбитые у неприятеля 10 сентября. Так, во времена давно минувшие, он дарил знамена лигёров прекрасной Коризанде. Король *повторялся* в любезностях со своими фаворитками и даже в своих письмах; в последнем случае, во избежание лишнего труда, он мог бы приказать отпечатать про запас бланки с пробелами для вставки имени возлюбленных – до такой степени стереотипны излияния его вечно юного и вечно любящего сердца! Нимало не осуждая Генриха за его постоянное непостоянство, мы готовы допустить, что он, повторяя каждой фаворитке одни и те же фразы, не обманывал, а обманывался сам

и, во всяком случае, был с женщинами искреннее, нежели они с ним. Вот, например, письмо к нему от Генриэтты, написанное в июле 1600 года, когда в Лион ожидали прибытия Марии Медичи… Что за иезуитизм кокетства, как в каждом слове заметна волчица, наряженная в овечью шкурку!

«Государь, сбылось несчастие, которого я всегда так опасалась! Я, однако же, должна сознаться, что это опасение проистекало от сознания той великой разницы состояний, которая существует между нами, от которой я всегда ожидала перемены, низвергающей меня с неба, на которое вы меня вознесли, обратно на землю, где я была найдена вами. При этом смертельном падении я не могла не сознаться, что в нем виновата не только судьба, сколько ваша ко мне немилость. От вас блаженство мое зависело более, нежели от судьбы, на которую я не жалуюсь, так как душевная скорбь моя – цена блага Франции, для которого вы вступаете в брак. В этой скорби не могу не сознаться, что свадьба – погребение моей жизни; ваша свадьба требует от меня во имя скромности, чтобы я удалилась от лица вашего и от сердца во избежание надменных взглядов всех тех, которые видели меня на высоте почестей… Лучше страдать на свободе в уединении, нежели не сметь вздохнуть в кругу общественном. Эти чувства вскормлены во мне вашим великодушием, смелость эта вами внушена мне… Она не допускает меня смириться перед несчастием, пригнуть голову под его ярмо возвращением к прежнему моему ничтожеству. Слова мои, отрывчатые вздохи, о король мой возлюбленный, мое – все! Прочие тайные жалобы мои ваше величество можете угадать в моих мыслях, потому что душу мою вы так же хорошо знаете, как и тело. В неизбежном моем изгнании мне останется гордое сознание, что я была любима величайшим государем на земле; королем, снизошедшим до меня, чтобы меня, свою рабу и служанку, возвести на степень своей любимицы; королем Франции, признающим над собой власть единого небесного царя и не имеющим на земле себе равного…

Если королям свойственно воспоминание о тех, которых они любили, вспоминайте, государь, о девушке, принадлежавшей вам, которая (полагаясь на ваше слово) пожертвовала вам своей честью, над которой была столько же властна, сколько вы, государь, властны над жизнью вашей покорной служанки, преданнейшей рабыни и – сказать ли!.. – забытой любовницы Генриэтты де Бальзак».

К крайней досаде сочинительницы этого смиренного, трогательного послания, Генрих ее не удерживал, даже, как видно, был доволен ее отсутствием, чтобы тем свободнее заняться

будущей супругой, по портретам судя, способной возбудить в королевском сердце страстные желания. Марии Медичи было тогда двадцать семь лет; полная, стройная, огненная брюнетка – тип флорентинки, она могла бы свести с ума человека и неплатонического. Раздражая свое воображение мыслью о прелестях невесты, Генрих писал ей самые страстные письма, в которых щедрой рукой рассыпал самые «чувствительные слова» из своего неистощимого любовного арсенала. 23 августа он из Шамбери отправил к Марии Медичи своего обер-шталмейстера Белльгарда, отдавая его в распоряжение невесты и умоляя ее не медлить прибытием во Францию. Жених с невестой свиделись в Лионе, и 17 декабря 1600 года отпразднована была свадьба Генриха с Марией Медичи. К январю 1601 года супруга короля уже успела ему прискучить, и смиренная изгнанница Генриэтта снова появилась при дворе, представленная королеве герцогиней Немурской. Принятая Марией с заслуженной холодностью, фаворитка подружилась с любимой горничной и молочной сестрой королевы, Леонорой Галигаи, получившей по ходатайству Генриэтты звание камер-фрау. Заручившись таким образом дружбой любимицы жены, фаворитка деятельно принялась интриговать и каверзничать, чтобы мстить Генриху, всячески вредить его семейному согласию и в особенности преследовать тех, которые принимали участие в сватовстве короля за Марию Медичи. Она уговорила очень расположенного к ней Клавдия Лотарингского, принца Жуанвилля вызвать Белльгарда на поединок и, если можно, попотчевать хорошим ударом. Жуанвилль предательски напал на Белльгарда вечером, около дома Цзаметти, слуги которого помогли раненому Белльгарду и, погнавшись за принцем, едва не убили его, если бы в дело не вмешался маркиз Рамбуйе. Генрих IV отдал Жуанвилля под суд, приговоривший его к удалению от двора. Этот неудавшийся заговор нимало не нарушил возобновленной связи короля с Генриэттой, для пущего удобства Генриха помещенной рядом с Лувром. От жены король шел к фаворитке, от фаворитки – к жене. Любезность и внимательность были ему тем более извинительны, что королева и Генриэтта, обе были в интересном положении. Первая – 27 сентября 1601 года родила дофина (впоследствии Людовика XIII), вторая – день в день через месяц, 27 октября, – Гастона Генриха.[18]

Европейские женщины удивляются доброму соглашению жен у магометан и язычников, одновременно сожительствующих с несколькими супругами… Чему удивляться, когда семейство французского короля Генриха IV являет нам умилительный пример азиатской полигамии или американского мормонизма?

Приятельница фаворитки Леонора Галигаи умела примирить королеву с Генриэттой и настолько сблизить их, что крестины обоих сыновей Генриха праздновались одинаково пышно и сопровождались блестящими празднествами. Между прочим, Мария Медичи устроила балет, в котором участвовала сама с пятнадцатью придворными красавицами, представляя группу шестнадцати добродетелей.

– Что вы скажете об этом эскадроне добродетелей? – спросил король у любовавшегося балетом папского нунция.

– Эскадрон *прекраснейший* и *опаснейший* (bellissimo e pericolosissmio!), – отвечал тот, сладко улыбаясь.

Вскоре ясная лазурь над этим Олимпом или Пафосом покрылась громовыми тучами. Вторично разразилась гроза над головой Генриэтты, гроза моральная, но которая могла быть ей не менее гибельна, как первая, атмосферическая.

Сестра покойной Габриэли – Жюльетта-Ипполита, герцогиня Виллар – отвлекла на время внимание короля от жены и фаворитки; и наш французский Юпитер светренничал. Это была мимолетная прихоть, но обиженная герцогиня решилась привязать к себе короля надолго и прочными узами. Для этого она, по примеру Генриэтты, сблизилась с Жуанвиллем (недавно возвращенным из ссылки) и выпросила у него любовные письма фаворитки, полученные им от нее во время их связи, когда Генриэтта жила в уединении; эти письма герцогиня Виллар передала королю… Генрих разразился действительно олимпийским гневом и послал Меркурия (графа де Люда) к Генриэтте даже не с выговором, а просто с бранью. Фаворитка, выслушав упреки, не говоря ни слова, вытолкнула дерзкого за дверь. Король на свой вопрос, что она может сказать себе в оправдание, получил классическое: «Невинность не имеет нужды в оправдании!» Письма оказались подложными, в чем сознался сам Жуанвилль, что подтвердили десятки сообщников Генриэтты.

Король из судьи сам превратился в подсудимого и вместо наказания преступницы сам же чуть не на коленях вымаливал у нее прощение. Разбранив королеву, поверившую *клевете,* король отправил герцогиню Виллар в ссылку, Жуанвилля – в Венгрию; секретаря его за *подделку писем* заточил в Бастилию; в честь угнетенной невинности дан был великолепный праздник при дворе… Каким образом все это случилось? – невольно спросит читатель. Случилось все это очень просто благодаря присутствию духа и бесстыдству фаворитки. С Жуанвиллем она действительно была в коротких отношениях; письма писала к нему она своеручно, а короля и весь двор одурачила. Кроме Жу-анвилля, никто не мог уличить Генриэтту, но герцог, истый дворянин

старого времени, по свойственному мужчине великодушию предпочел возвести напраслину на себя, нежели бороться с женщиной или, вернее, пачкать свою пяту, раздавив под ней ядовитую гадину. Заметим только, что это торжество невинности происходило именно в то время, когда созревал заговор маршала Бирона, в котором принимали участие брат, отец Генриэтты и она сама, в чем Генрих IV убедился только через четыре года (1605) при открытии нового заговора, в котором главную роль играет семейство д'Антраг.[19]

До тех пор король, деля свои ласки между женой и фавориткой, детьми законными и побочными, находился в самом безвыходном положении, между двух огней. О приличии, как видно, забыли и думать.

22 ноября 1602 года Марии Медичи Бог дал дочь Елизавету (в 1615 году выданную за Фридриха IV – короля испанского).

21 января 1603 года Генриэтта, маркиза де Вернейль разрешилась от бремени дочерью же – Габриэлью Анжеликой (выданной в 1622 году за Бернарда Ногаре, герцога д'Эпернон).

Имела ли фаворитка надобность в деньгах или в какой подачке от короля, ей стоило только напомнить ему *о том* документе, и все исполнялось по ее желанию. Сюлли то и дело получал от короля чеки на отпуск Генриэтте нескольких тысяч ливров. Из змеи фаворитка превратилась в пиявицу. Денег и подарков ей лично было мало, она выманивала у короля щедрые милости многочисленным своим родственникам, ближним и дальним. Сюлли ворчал, уговаривал, усовещевал короля – Генрих благодарил за советы, но им не следовал. С другой стороны, Мария Медичи, истая Юнона, взяла ветреного супруга в руки и постоянно колола ему глаза фавориткой и данным ей письменным обещанием; мать семейства, королева заботилась о детях. По словам историка Мезерэ, Мария не ограничивалась бранью и нередко обращала в бегство победителя при Иври и Кутрасе, сопровождая брань очень выразительными пантомимами: Генрих начал поговаривать о разлуке с женой и отсылке ее на родину. Впрочем, вот подлинная исповедь Генриха IV в одну из откровенных бесед с благородным Сюлли.

«В дополнение к тому, что я уже говорил вам, друг мой, о причинах моей досады и дурного расположения духа, скажу вам, что вчера вечером я расстался с госпожой Вернейль крайне рассерженный по трем причинам. Во-первых, теперь она вздумала хитрить, лукавить и жеманиться со мной, будто бы по чувству набожности, а как я думаю, вернее, вследствие каких-нибудь новых интрижек с людьми, которые мне не совсем-то нравятся. Второе: в ответ на мое замечание о ее сношениях с братом и

другими злоумышленниками на меня и на безопасность государства она очень надменно отвечала, что все это неправда, что я старею, оттого и становлюсь подозрителен и недоверчив; что жить долее со мной нет никакого смысла… Что, наконец, я сделал бы ей величайшую милость, если бы перестал посещать ее наедине, так как пользы ей от этого мало, а одни только неприятности, особенно от королевы. При этом она королеву, жену мою, *обозвала таким именем, что я едва удержался, чтобы не дать ей за это в щеку!* Третья причина: я просил у нее возвратить мне мое письменное обязательство, а она дерзко отвечала, что я могу искать этот документ где угодно, но от нее никогда не получу!

Тут мы с ней посчитались, и я в бешенстве ушел, сказал, что найду способы добыть мое обязательство!»

От фаворитки король пошел к жене, где ожидала его сцена, приправленная колкостями, упреками и жалобами.

Кому другому, если не Сюлли, пришлось взять роль умиротворителя? Истинно великий государственный муж не погнушался войти в эти будуарные дрязги, видя, что от них тускнеет королевский венец державного друга, блекнут лавры и сам он, герой, превращается в какого-то бесхарактерного труса, не стоящего имени мужчины. Угадывая, что внезапная скромность фаворитки и ее уклончивость от ласк короля не что иное, как уловка кокетки, вымогающей у своего обожателя милости да благосты-ни, Сюлли, ссылаясь на собственные ее слова, набросал проект письменного договора между королем и фавориткой, в котором первый отступает от всяких притязаний на ее нежности с тем, чтобы уже и она в свою очередь не домогалась ничего. Генриэтта одобрила проект, но король был крайне недоволен разлукой с возлюбленной красавицей. Как бы то ни было, устранив всякое сближение короля с фавориткой, Сюлли добрыми советами принудил Марию Медичи быть к мужу снисходительнее, любезнее, ласковее; указал ей на те стороны характера, влияя на которые королева может привязать к себе супруга и отвлечь от всяких фавориток. В апреле 1604 года Генрих, окончательно разочарованный в Генриэтте, *почти* ненавидел ее; и тут же вскоре – как нельзя кстати – открыт *был* заговор старика д'Антрага. Заговор этот, запутанный подобно паутине, простирал свои нити по всей Франции за Пиренеи, связывая в одну шайку большую часть вельмож, даже ближайших к престолу. Тут были духовники маркизы Вернейль, отец Иларий и отец Анж;[20] английские дворяне Морган и Фортн, л'От, секретарь Вилльруа, Шевийяр, д'Эпернон, Буйон, Белльгард, граф Овернский, старик д'Антраг, милая его дочь Генриэтта, маркиза

Вернейль, и, очень может быть, любимцы королевы – Кончини (будущий маршал д'Анкр) и жена его Леонора Галигаи… Вести следствие надобно было осторожно, не торопясь, но Генрих, отодвинув на задний план вопрос о спокойствии государства, озаботился единственно о своем собственном, истребовав у арестованного д'Антрага знаменитое «обязательство», возвращенное наконец 6 июля 1604 года… Затем вместо продолжения следствия комиссия прекратила свои заседания, и все дело ограничилось бегством графа Овернского в свое поместье. Маркизе Вернейль за уступку обязательства было выдано 20 тысяч экю, а отцу ее д'Антрагу (уличенному заговорщику!) обещан маршальский жезл. Так пишут Мезерэ и де Ту, и, несмотря на их авторитет, не решаемся верить этим позорным сделкам короля французского с людьми, подкапывавшимися под его престол. Следственное дело было затушено, но не угасла искра тлевшего заговора (еще бы, когда все заговорщики гуляли на свободе), и вскоре начались новые розыски, на этот раз успешнее первых, которые и привели к раскрытию страшной истины.

Испанский посланник дон Бальтазар Зунига навлек на себя основательные подозрения в покушениях на спокойствие Франции. До сведения Сюлли доведено было, что заговорщики намереваются, заманив короля к маркизе Вернейль, умертвить его там и наследником престола объявить ее сына, Генриха Гастона. Начались многочисленные аресты; графа Овернского, схваченного в его замке, привезли в Париж и посадили в Бастилию (20 ноября 1604 года), маркизу подвергли домашнему аресту, участи графа Овернского подвергся старик д'Антраг (11 ноября), захваченный со всеми бумагами… Начался суд, и открылась та страшная пропасть, которую готовили Генриху IV. Виновные выказали если не резкое присутствие духа, то небывалый цинизм. «Пусть меня казнят, пусть казнят! – кричала на допросах Генриэтта с пеной у рта. – Я не боюсь смерти, я сама ее прошу. Если король велит меня казнить, тогда скажут, по крайней мере, что он жену свою казнил! Я была его женой прежде *итальянки*… Я у короля прошу только трех милостей: прощение отцу, петлю – брату,[21] а мне правдивого суда!»

Эти мелодраматические выходки, в судьях возбуждавшие негодование, чтобы не сказать омерзение, тронули мягкое сердце короля и пробудили в нем прежнюю любовь. Все улики налицо: семейство д'Антраг замышляло на его жизнь, имело сношения с Испанией, намеревалось возвести на престол сына Генриэтты путем убийства Марии Медичи и ее детей, и при всем том король любил фаворитку, а любя ее, всячески помогал ей и подсудимым,

тайно сносясь с арестованной Генриэттой. В конце декабря 1604 года, когда следственная комиссия снимала с преступников показания, проводила очные ставки, допрашивала, уличала, в самое это время король писал к арестованной Генриэтте: «Милое сердце мое, на ваши три письма даю один ответ. Разрешаю вам отъезд в Буажанси и свидание с вашим отцом, избавленным от стражи. Не оставайтесь долее одного дня, так как зараза сильна. При поездке в Сен-Жермен не худо было бы вам повидать ваших детей, а также и их отца, который *вас очень любит и дорожит вами.* О вашей поездке никто (то есть королева) ничего не знает. Люби меня, моя козочка (mon menon), ибо я тебе клянусь, что, когда я с тобой, мне весь мир ничто; целую тебя миллион раз».

К сожалению, следственная комиссия с подсудимыми не целовалась и вместо любовных записочек писала другие бумаги, поважнее. Верховный уголовный суд 1 февраля 1605 года приговорил д'Антрага и графа Овернского к смертной казни, маркизу Вернейль к заточению в монастырь Бомон-ла-Тур. В тот же день жены д'Антрага и графа, с ними и Генриэтта явились к Генриху, умоляя о прощении. Король несколько времени колебался, однако же приказал смягчить приговор и заменить его для приговоренных к смерти – пожизненным заключением, а для Генриэтты – прощением, дозволив ей удалиться в свое поместье; 16 сентября она формально была объявлена ни в чем не виновной.[22] Так шутил король французский с судом и играл законами! В его руках было искоренение заговора, а он довольствовался только обрубкой двух-трех ветвей. Оправдание этому малодушию еще могло бы быть какое-нибудь, если бы король повиновался чувствам любви христианской, а не своему неукротимому сластолюбию… Искоренение заговора д'Антрага могло бы отклонить от груди Генриха IV кинжал Равальяка. Впрочем, с точки зрения фатализма, щадя преступников на собственную свою пагубу, король повиновался какому-то таинственному предопределению… Неуместно милосердный в отношении своей возлюбленной, ее родных и сообщников, Генрих IV, в угоду католическому духовенству, умел быть жестоким и безжалостным к несчастным, которые в то варварское, суеверное время слыли за колдунов и оборотней. Так, в 1597 году были сожжены живыми некто Шамуйяр за напущение порчи и Видаль де ла Порт в Риоме; в 1598 году казнен был оборотень Пьер Опети; в 1599 году сожжены были колдунья Антида Колас, девочка Луиза Майлья, Вильгельм де Вильмероз и Роланда дю Вернуа… В 1609 году было огромное следственное дело о колдунах в Гаскони в округе Пахотной земли (Pays da Labour), окончившееся повешением и сожжением на костре до двадцати

человек… Кровавые факты, мало говорящие как в пользу ума, так и сердца великого короля.

Пощада Генриэтты и заговорщиков была жестокой ошибкой, но Генрих сделал другую, еще более непростительную. После всего, что было раскрыто на следствии о злоумышлениях маркизы Вернейль, после кровавых оскорблений королевы и законных детей Генриха он опять сошелся с фавориткой, опять домогался ее продажных ласк, опять делил свое сердце между женой и любовницей. Последняя, видя, что власть ее над Генрихом не уменьшилась, пуще прежнего стала эксплуатировать щедрость королевскую. Придворные Сигонь и Ла Варенн одновременно пользовались ее благосклонностью и вели с ней нежную переписку. Король узнал об этом – маркиза вывернулась, уверив его, что она неизменно ему верна и предана всей душой, а письма писаны по ее совету, для испытания ревности короля… Поверил! Сигонь и Ла Варенн (Меркурий, министр сердечных дел) навлекли на себя немилость Генриха, фаворитка же на своем месте даже не пошатнулась. При виде этой непростительной слабости короля к женщине, ничего не заслуживающей, кроме презрения, Мария Медичи возненавидела мужа и предоставила ему полнейшую свободу. Стараниями Сюлли между державными супругами наружно поддерживались приязненные отношения, приличия ради, но и тут Генриэтта расстроила все, что улаживал министр. Утишать эту домашнюю язву можно было только деньгами и подарками, щедро давали ей то и другое, причем она ссылалась на детей, на свои старания о их обеспечении.

– Да прогоните же ее наконец! – неоднократно говорил Сюлли Генриху.

– Не могу: не в силах! – отвечал, чуть не плача, бедный король.

На предложение выехать за границу Генриэтта отвечала согласием, но, чтобы «не умереть с голоду», требовала аренды в сто тысяч ливров годового дохода. То она грозила Генриху выходом замуж за какого-то фантастического обожателя, прося короля выдать ей приличное приданое, и он падал к ее ногам, умоляя не покидать его. О королеве Генриэтта отозвалась так, как бы могла королева отзываться о ней, презренной наложнице, а Генрих слушал и не только молчал, но едва ли не поддакивал. В августе 1607 года по настояниям Сюлли король согласился удалить Генриэтту на воды в Ванвр, но это ни к чему не привело – весь 1608 год длилась грязная, позорная связь короля, от которой его избавила новая любовь, к Шарлотте Монморанси: чем ушибся, тем и лечился…

Окончательно оставленная королем, Генриэтта д'Антраг,

маркиза де Вернейль, по словам Таллемана де Рео, стала жить подобно Сарданапалу или Вителлию, думая единственно о еде и всевозможных гастрономических наслаждениях. Она растолстела до чудовищности, но не отупела умом, хотя жила почти без собеседников. Детей у нее взяли, дочь воспитывалась вместе с законной дочерью короля. Но из этого кухонного уединения отставная фаворитка до последней минуты Генриха IV метала в него если не молнии, то горячие уголья из-под плиты, которые в одно и то же время жгли и пачкали. В мае 1608 года барон де Терм обольстил фрейлину королевы обещанием жениться, чего не исполнил. «По пословице, – сказала Генриэтта, узнав об этом, – каков барин, таков и слуга».[23] Как-то ее навестил сын, прощаясь с которым она поручила сказать королю, чтобы он не воображал, будто Генрих Гастон *его* сын…

Убийство Генриха Равальяком, судя по многим данным, не обошлось без соучастия маркизы де Вернейль, но это пятно на памяти фаворитки исчезает во множестве других. Последним скандалом, достойно заключившим общественную жизнь куртизанки, был иск, предъявленный ею 15 сентября 1610 года на герцога Гиза, давшего ей «письменное обещание» жениться на ней и отрекшегося от своей подписи. По повелению правительницы

Марии Медичи дело было прекращено, а истице предложено избавить порядочных людей от своего лицезрения и куда-нибудь удалиться. Она умерла 9 февраля 1633 года в каком-то уединении, ничтожная, презренная.

Возвратимся к герою нашего очерка, покуда еще живому, но сильно состарившемуся – не столько от лет, сколько от забот и трудов, в особенности по части любовных приключений. Независимо от недуга, неизбежного следствия невоздержанности, расшатавшего когда-то крепкий организм Генриха, глубокие морщины избороздили его высокий лоб, глаза потускнели, щегольски закрученные усы и острая бородка посеребрились сединой, горбатый нос – типическое отличие Бурбонов – припух, подернулся красноватыми прожилками и как будто пригнулся к подбородку… Так изменило время прежнего красавца, не прикасаясь к его сердцу, бившемуся так же страстно, как в юности. Скажем более: в своей последней любви к Шарлотте Монморанси Генрих явился юношей-поэтом, вздыхающим, мечтающим и, увы! – смешным, как и всякий влюбленный старик.

В январе 1609 года Мария Медичи устраивала во дворце домашний спектакль, в котором придворные девицы должны были разыграть балет «Нимфы Дианы». В числе участвовавших находилась четырнадцатилетняя дочь коннетабля Монморанси Шарлотта Маргарита, красавица невиданная.[24] Король встретил

ее на репетиции 16 января и не мог не выразить восхищения бывшим при нем Белльгарду и капитану телохранителей Монтеспану. Те, разумеется, согласились с Генрихом, что видеть Шарлотту – значит ее любить, и сердце короля запылало… *последней* любовью. Победить красавицу он вздумал по прежним примерам, выдав ее предварительно за сговорчивого и непритязательного мужа. Искателей руки Шарлотты был целый легион, из которого особенно выделялся друг короля, постоянный его товарищ в игре и забавах, полковник отряда швейцарцев Бассомпьер. Хотя с ним и соперничал в сватовстве двоюродный брат красавицы герцог Буйльон, но король готовил третьего претендента – своего племянника, принца Конде, по характеру подходившего его замыслам. Конде был нелюдимый, молчаливый, всегда скромный, послушный, какой-то загнанный; вдобавок к этому, кажется, побаивался женщин и вообще не охотник до прекрасного пола. Имея под рукой запасного мужа, король приступил к интриге.

Вскоре после балета Генрих, страдая подагрой, принимал в Лувре Шарлотту и ее тетку, госпожу д'Ангулем (побочную дочь Генриха II), приехавших его навестить. После обычных приветствий король повел речь о женихах и назвал Бассомпьера, спросив Шарлотту будто мимоходом: нравится ли он ей? Красавица, как благовоспитанной, целомудренной девице подобает, покраснела и сказала, что ее долг повиноваться воле родительской. Тонкий знаток женского сердца, Генрих понял, что Бассом-пьер Шарлотте нравится, и принял это к сведению.

На другой же день Бассомпьер по приглашению короля явился к нему в кабинет. Генрих после небольшого вступления с уверениями любви и доброжелательства предложил своему приятелю составить ему партию – не карточную, а иную, женив его на мадемуазель д'Омаль и дав ему герцогство.

– Вам угодно, государь, чтобы я разом женился на двух невестах? – возразил Бассомпьер. – Вам, конечно, известно, что я сватаюсь за дочь Монморанси?

– Друг, – отвечал король, – поговорим откровенно. Я до безумия влюблен в Шарлотту. Если ты женишься на ней и она тебя полюбит, я тебя возненавижу; если же она полюбит меня, ты меня возненавидишь. Зачем нам с тобой ссориться? Я хочу выдать ее за моего племянника, принца Конде, и ввести в мою семью… Шарлотта будет опорой и утехой моей старости. Мужу ее, который охоту предпочитает всяким красавицам, я дам ежегодно по сто тысяч ливров, а от нее, кроме *чистой,* невинной любви, ничего другого не желаю и не потребую!..

– Знаю я эту чистую любовь! – проворчал Бассомпьер.

Но делать было нечего – покорился воле королевской, а Генрих усердно принялся за сватовство Конде. Дело уладилось, и 17 мая 1609 года Шарлотта Маргарита Монморанси сочеталась браком с принцем Конде, племянником королевским. Коннетабль дал за дочерью сто тысяч, король за принцем – полтораста тысяч экю годового дохода, да сверх того подарил невесте бриллиантов тысяч на двадцать ливров. Молодому супругу Генрих ни слова не говорил о своих замыслах; с Шарлоттой объяснялся на непонятном для нее языке вздохов и томных взглядов… Однако же, как бы то ни было, Конде очень хорошо знал тайну сердца своего державного дяди и потому немедленно после свадьбы уехал с молодой женой из столицы в Сен-Валери. Король захворал с досады, но вместе с тем, сбросив маску доброго старичка, превратился в бешеного сатира и стал гоняться за новобрачными по пятам. По примеру прежних лет Генрих прибегнул к переодеваниям и превращениям. Юпитер мифологический принимал на себя вид быка, лебедя, золотого дождя, облака, даже муравья для обольщения Европы, Ио, Данаи и многих других красавиц. Генрих, отдавая себя на посмешище если не Европы, то Франции, чтобы видеть Шарлотту, наряжался крестьянином, конюхом, псарем, не достигая цели своих желаний, а только сам служа мишенью насмешек не только племянника и его жены, но всего двора и города. На официальные приглашения прибыть ко двору с женой принц обыкновенно отвечал отказом или являлся один. В июле 1609 года молодые супруги приехали в Фонтенбло, на свадьбу герцога Вандомского с девицей де Меркер, и здесь принц не отходил от жены своей ни на шаг, к совершенному отчаянию влюбленного Генриха. Впрочем, довольствуясь лицезрением своего идеала, король разрядился, как молодой человек, выказал необыкновенную ловкость на карусели и, забывая подагру, пускался даже в танцы… Жестокосердая едва обратила внимание на это жалкое кокетство влюбленного старика. Дня через два принц со своей супругой уехал обратно в свое поместье. Осенью срок беременности Марии Медичи приблизился к концу, и по этикету, а также согласно воле короля при разрешении ее от бремени обязаны присутствовать все принцы и принцессы королевской крови. На этот раз принцу Конде отказаться было невозможно, хотя его удерживал двойной страх – и за себя, и за жену. В первом случае он опасался заточения в Бастилию за свои политические интриги, во втором – его пугала любовная интрига, которую король, несмотря на все неудачи, продолжал вести с неутомимым терпением и надеждой. Бедный муж прибыл в Париж один, прибегнув к покровительству Марии Медичи, взяв с нее слово, что королева сама будет

охранять принцессу от преступных покушений своего супруга. Это было в конце октября, а 26 ноября 1609 года королева разрешилась от бремени дочерью Генриэттой Марией.[25] Понятно, что, несмотря на слово, данное принцу Конде, и собственное свое желание мешать королю в его интригах, Мария Медичи по весьма уважительным и понятным причинам не могла несколько времени заниматься чужими семейными делами – чем, разумеется, Генрих IV спешил воспользоваться. Принц просил его уволить принцессу от присутствия при родинах, король отвечал отказом. Выведенный из терпения, Конде сказал, что это тиранство, Генрих вспыхнул и упрекнул его незаконностью происхожения, заметив, что если принц хочет, то он, король, покажет ему настоящего его отца. Зная, что Генрих склоняет его мать, вдову принца Конде, помогать ему в победе над ее невесткой, оскорбленный муж осыпал ее ядовитыми упреками, назвав ее… свахою! Кроме матери Конде сообщниками короля были отец Шарлотты и тетка ее, госпожа д'Ангулем, своими гнусными советами начавшие колебать супружескую верность молодой женщины; знаменитый Малерб – отец французской поэзии, дряхлый годами, юный сердцем, – писал принцессе Конде по приказанию Генриха нежные послания, сам король не скупился на письма в замок Мюре, где оставалась принцесса… Это было уже не волокитство, а облава, травля. Озлобленный Кон-де проговорился королю, что подобные действия могут довести его до развода с женой, и король с восторгом ухватился за это средство к овладению сердцем свой красавицы, изъявив полное согласие. Это бесстыдство заставило наконец принца Кон-де бежать вместе с женой во Фландрию к своему зятю, принцу Оранскому. Сообщив о своем намерении другу своему Рошфору и секретарю Вирею, принц, объявив королю, что едет за женой, выехал из Парижа в замок Мюре 25 ноября, накануне разрешения королевы от бремени; 29-го числа ранним утром, усадив жену в дорожную карету, с небольшой свитой верных друзей и надежных прислужников, принц (не говоря жене о настоящей цели путешествия) тронулся в путь к границе Фландрии. Проводник беглецов Ла Перрьер, умышленно путая, замедляя и сбиваясь с дороги, тайно послал нарочного в Париж с нерадостной вестью о похищении принцессы ее мужем. Сама Шарлотта, когда они миновали Суассон, начала тревожиться и спрашивать принца, куда они едут; когда же он объявил, что они бегут за границу, с принцессой сделалась истерика и она отчаянными воплями стала требовать у мужа, чтобы он не разлучал ее… с милой родиной! Как видно, наставления милых родственников даром не пропали, и принцесса была далеко не прочь занять у короля вакантное

место фаворитки. Само собой, принц отвечал жене отказом, приказав кучеру гнать лошадей во весь опор, невзирая ни на ненастье, проливной дождь и сумерки, ни на вопли и стенания принцессы… В Ландреси усталость принудила путников сделать привал.

Между тем доносчик, посланный Ла Перрьером, прискакал в Париж. Отчаяние и бешенство короля, воспетые Малербом, не имели границ! Роковая весть об отъезде Конде застала Генриха за картами. Вскочив с места, бледный, дрожа всем телом, он шепнул Бассомпьеру: «Я пропал! Злодей везет жену или чтобы убить ее где-нибудь, или просто за границу… Пойду расспрошу подробно; покуда сядь за стол и играй за меня». Но игра не продолжалась, и все партнеры разошлись. Вместо карточной игры за столом образовалось заседание государственного совета (ни более ни менее) для обсуждения важного вопроса, угрожавшего спокойствию Франции и равновесию Европы, а именно: вопроса о бегстве мужа с женой для спасения последней от преследований короля-селадона!.. Состав заседания был следующий: маркиз Кёвр, граф Крамайл, герцог Эльбёф, Ломени, Белльевр, Вилльруа, Жаннен и Сюлли – воплощенный здравый смысл в кругу полоумных. Один предложил немедленно разослать циркуляры к посланникам для объявления войны тому государству, которое даст приют беглецам; другой советовал послать за ними в погоню, третий – под угрозой смертной казни запретить давать им пристанище в пределах Франции…

– Молчать и ждать! – лаконически сказал Сюлли и этим самым не придавал бегству принца никакого политического значения.

Мог ли Генрих, обезумевший от горя, послушаться голоса рассудка? Предложение Сюлли было отвергнуто, а за беглецами было послано в погоню во все концы десять или двенадцать конных отрядов, настигнувших беглецов в Ландреси, то есть уже за чертой французской границы. Эрцгерцог Альберт, сначала было отказавший принцу в пристанище и предложивший ему выехать из его владений, великодушно помог ему с женой добраться до Брюсселя, куда они прибыли 17 декабря и были радушно приняты принцем Оранским. Спинола, испанский полномочный посол, объявил принцу Конде, что он находится теперь под покровительством его величества Филиппа III – короля Испании и обеих Индий.

Странная судьба Генриха IV в его любовных интригах: все они носят на себе отпечаток какой-то театральности. Связь с госпожой де Сов – водевиль; с Коризандой и Фоссезой – комедия; с Габриэлью – трагедия; Генриэттой д'Антраг – драма, с принцессой

Конде – просто арлекинада, в которой король преследует молодых супругов не хуже *балаганного* Кассандра и, подобно ему, остается с носом. На долю испанского короля выпала роль доброй волшебницы – покровительницы угнетенных… Несмотря, однако же, на неудачу, Кассандр не унимался и отважился еще на две отчаянные попытки: или похитить у принца Конде его жену с помощью добрых людей, или развести супругов формальным образом.

Брату покойной Габриэли д'Эстре, маркизу Кёвру, в феврале 1610 года было поручено именем короля истребовать беглецов у эрцгерцога Альберта. Последний, отвечая решительным отказом, берег своих гостей, как зеница бережет око. Секретно подосланные шпионы разведали, что принцесса Конде вовсе не довольна защитой эрцгерцога и весьма скучает в Брюсселе. Скучает – стало быть, не прочь бежать во Францию, где ждут ее объятья короля, любовь которого возрастает вместе с препятствиями… Генриху посчастливилось склонить на свою сторону супругу Берни, французского резидента в Брюсселе; все было приготовлено к похищению, но один из сообщников, Валибр, довел до сведения испанского посланника. Неудача! Опасаясь, чтобы вместо жены его король не вздумал похитить его, мужа, принц Конде уехал в Милан, поручив жену эрцгерцогине, женщине благонадежной, поместившей принцессу в комнате рядом со своей собственной спальней. Похищение было немыслимо, зато Генрих придумал иным путем овладеть Шарлоттой, уговорив ее отца послать за ней тетку, госпожу д'Ангулем, чтобы истребовать принцессу у эрцгерцогини отцовским именем, чему не могло быть никаких препятствий. В случае успеха немедленно по приезде Шарлотты во Францию решено было расторгнуть ее брак с принцем.

Этот план созрел в голове Генриха IV в то самое время, когда он занимался приготовлениями к войне с Австрией – войне, которая могла иметь громадное влияние на судьбы европейских государств. Вместе с тем, как бы желая вознаградить Марию Медичи за все свои минувшие и настоящие погрешности, Генрих решился короновать ее в Сен-Дени венцом королевским… Так последний месяц жизни Генриха IV был им проведен в смотрах войск и работах по их вооружению, в распоряжениях о церемониале коронации и в нетерпеливом ожидании приезда Шарлотты Конде, за которой тетка ее уже отправилась в Брюссель.

На исходе апреля 1610 года придворные стали замечать в характере Генриха какую-то странную перемену. Король сделался задумчив, рассеян и необыкновенно печален. Доныне шутливый,

охотник посмешить и посмеяться сам, он теперь выбирал для разговора преимущественно мрачные предметы, слово «смерть» всего чаще срывалось с его бледных губ, и невольные слезы навертывались на его глаза. Предчувствие близкой кончины, обнаружившееся теперь, возмущало душу короля гораздо ранее; еще в феврале в письме своем в Брюссель к одному из своих агентов он сделал следующую приписку: «От тоски у меня остались только кожа да кости; все мне прискучило… Я чуждаюсь общества, а если ради приличия бываю где в собрании, то вместо развлечения чувствую смертельную тоску…»

В пятницу, 14 мая 1610 года, Генрих IV в карете отправился в арсенал для осмотра новых орудий и по какому-то неизбежному предопределению приказал вести себя через узкую и извилистую улицу Железных рядов (rue de La Ferronerie), в которой два встречных экипажа с трудом могли разъехаться. День был жаркий, и оконные кожи (тогда заменявшие стекла в каретах) были спущены. Едва успел королевский экипаж въехать в эту трущобу, как принужден был остановиться, встретив воз с сеном, перегородивший ему дорогу. Карета остановилась, король разговаривал со своими спутниками, и в эту минуту человек среднего роста, рыжий, с всклокоченной бородой приблизился к карете и, вскочив на спицу колеса, просунул голову и правую руку в окно… Сверкнуло лезвие ножа, по самую рукоятку вонзившегося в сердце короля – сердце влюбчивое, непостоянное, но, бесспорно, доброе.[26]

Смерть была мгновенна; Генрих не испустил ни малейшего стона; бывшие с ним в карете в первую минуту даже не заметили убийства, когда же заметили – оцепенели от ужаса, и сами они были ни живы ни мертвы. Убийца Равальяк был схвачен; подоспевшая стража едва могла спасти его от ярости народной для заслуженной казни; медленно поехала карета в обратный путь к Лувру. На месте недавно живого короля, откинув голову назад, с вытянутыми вдоль туловища руками, сидел холодеющий труп старика с потухшим взглядом, полуоткрытым, несколько искривленным ртом и недоумевающей улыбкой на беломраморном лице… Душа грешного *человека* предстала на суд Божий, деяния *короля,* занесенные историей на ее скрижали, остались на них неизгладимо для беспристрастного суда потомства. В нашем очерке мы рассказывали только о первом, то есть не о Генрихе-короле, но о Генрихе-человеке; мы говорили о его пороках, не упоминая о достоинствах; точка зрения, с которой мы смотрели на короля французского, невыгодная для его памяти, не допустила нас сказать о нем ни единого доброго слова. В течение более полувека Франция оплакивала Генриха IV;

затем он стал героем народных преданий, любимцем черни, для которой он сделал все, что мог; через сто двадцать три года (1733) Вольтер воспел его в своей «Генриаде», а еще через шестьдесят лет (1793) французский народ, исторгнув труп Генриха IV из гроба в Сен-Дени, бросил его вместе с прочими трупами королей в яму, наполненную негашеной известью.

Мы начали наш очерк списком фавориток короля, не приносящим особенной чести его памяти. Справедливость требует представить теперь другой список, который отчасти загладит неприятное впечатление, произведенное на читателя первым. В течение двадцати одного года своего царствования Генрих IV восемнадцать раз подвергался опасности погибнуть от руки злоумышленников, – опасности, наконец, не миновавшей его – в девятнадцатый. Вот имена убийц и заговорщиков, в разное время покушавшихся на жизнь короля французского.

В 1593 г.: 1) *Баррьер* – лодочник на Луаре, четвертованный 31 августа.

В 1594 г.: 2) семинарист-иезуит *Жан Шатель,* четвертованный 29 ноября.

В 1595 г.: 3) *Гиньяр,* повешенный 7 января; 4) *Гере,* изгнанный; 5) *Варад, Обри и Эторель,* бежавшие, а потому изображения их, то есть куклы, были четвертованы 26 января; 6) *Мерло,* повешенный 2 марта.

В 1596 г.: 7) *Гедон,* повешенный 16 февраля; 8) *Ла Раме* – тоже – 8 марта; 9) неизвестный злоумышленник в Мо.

В 1597 г.: 10) обойщик, повешенный 4 января; 11) *Шар-пантье* и *Делож,* повешенные 10 апреля; 12) *Ридикови* и *Арже,* тоже; 13) *Уэн,* признанный сумасшедшим; 14) монах-капуцин.

В 1602 г.: 15) *Ришар,* обезглавленный 10 февраля; 16) маршал *Бирон,* обезглавлен 31 июля.

В 1605 г.: 17) заговор *д'Антрага и графа Овернского.* Оба были приговорены к смерти 1 февраля, но помилованы и вместо казни заточены в Бастилию.

В 1606 г.: 18) *Дезиль,* покушавшийся на короля 19 декабря, был признан сумасшедшим.

В 1610 г.: 19) 14 мая убийство короля *Равальяком.* Убийца после страшных истязаний был четвертован лошадьми и сожжен 27 мая того же года.

Все эти покушения и заговоры могли бы ожесточить, однако же не ожесточили сердца Генриха IV. Неизменно ласковый и доверчивый к окружающим, он до последней минуты был искренне любим многими извинявшими и оправдывавшими все

его недостатки. Историк де Ту,[27] рассказывая о всеобщем сожалении при вести об убийстве Генриха IV, приводит почти невероятный пример привязанности к королю его друга вице-адмирала Доминика де Вика, губернатора Амьена и Кале. Посетив через два дня после злодейства улицу Железных рядов, де Вик упал без чувств и через два дня скончался от горя.

notes

Примечания

1

«L’amour est une passion a laquelle toutes les autres doivent obeˆissance». Слова Генриха IV в письме к елизавете Английской от 26 октября 1596 года.

2

Первая песня – знаменитый марш времен первой империи; другая рапсодия – отпевавшей свою песенку второй.

3

См. J o u r n a l d e l'E t o i l e: mai—septembre 1590. Du Laure. Histore de Paris. Tome V, p. 78–104 (edition de 1823).

4

В его имени (Henri de Bourbon – Г е н р и х Б у р б о н), как на русском, так и на французском языках—14 букв; он родился 13 декабря 1553 года (12-й месяц года, число: 1 + 3 = 4; год: 1 + 5 + 5 + 3 = 14). Первая его жена (М а р г а р и т а В а л у а) родилась 14 мая 1552 года. Варфоломеевская ночь с 23 на 24 августа 1572 года. (Это число делится на 4 без остатка.) Битва при Иври происходила 14 марта 1590 года. В именах: J a c q u e s C l e m e n t (убийца Генриха III), M a r i e d e M e d i c i s – по 14 букв. Г а б р и э л ь д ’Э с т р е умерла 8 апреля 1599 года: число 8 делится без остатка на 4, а сумма цифр всего года = 24. Брак Генриха с Марией Медичи – в 1600 году (40 х 40 = 1600). Генрих был убит 14 мая 1610 года (1 + 6 + 1 = 8).

5

См. L e s M e m o i r e s d e l a r e i n e d e N a v a r r e. Далее этого, кажется, не могут идти ни снисходительность жены, ни цинизм мужа. О великий король!..

6

M. de Lescure: L e s a m o u r s d e H e n r i IV. Paris, 1864, in 8 p. 121 et seq.

7

Confessions de Sancy.

8

Генрих III – король французский, Генрих – король наваррский, Генрих Порубленный – герцог Гиз.

9

Prault: E s p r i t d e H e n r i IV. Musset-Patay: V i e m i l i t a i r e e t p r i v e e d e H e n r i IV. Berger de Xivrey: C o r r e s p o n d a n c e d e H e n r i IV.

10

Прося у читателей прощения за эти грязные, цинические фразы, берем смелость ручаться за их и с т о р и ч е с к у ю в е р н о с т ь. Цензура приличия была тогда неведома при дворе королей французских.

11

Генрих IV овладевал городами, осаждая их и покупая. За сдачу Парижа он заплатил Бриссаку 1 695 400 ливров, за Руан и Гавр – 3 477 800 ливров, за Понтуаз – 476 594 ливра и 20 тысяч экю – за Мо. См. D u L a u r e. Histoire de Paris, tome V, p. 20–128.

12

В память злодейского покушения Жана Шателя по повелению короля в Париже была воздвигнута пирамида с надписью о соучастии в заговоре иезуитов. По их просьбе она была уничтожена в 1604 году.

13

Pensez, madame, a vous; la fortune est muable; Vous avez la faveur, ne la negligez point. Craignant, que quelque jour ne vous laisse en pourpoint, Faites des serviteurs et vous rendez aimable!

14

Многие из новейших историков, отвергая, что эти стихи – произведение Генриха IV, приписывают их какому-нибудь присяжному поэту. Отчего же король не мог написать этих плохих виршей: Charmante Gabrielle, Percй de mille dards Quand la gloire m’appelle. Je vole au champs de Mars. Cruelle dйpartie! Malheureux jour! Cest trop peu d’une vie Pour tant d’amour!

15

Ц е з а р ь, как мы уже говорили, родился в 1595 году; К а т е р и н а – Г е н р и э т т а родилась в 1596, узаконена в марте 1597 года, была с 1619 года замужем за Карлом Лотарингским, герцогом Эльбёф, и умерла 20 июня 1633 года. А л е к с а н д р, названный кавалером де Вандом (de Vandome), родился в 1598 году, узаконен в 1599. Был в 1615 году посланником в Риме, умер в заточении в Венсенском замке 8 февраля 1629 года, как полагают, от яда.

16

Одни говорили ей, что она только раз в жизни будет замужем, другие предсказывали ей смерть в молодых годах, третьи – что ребенок будет причиной ее гибели, четвертые – что ее погубит тот, на кого она всех более надеется. Куаффье, советник суда в Мулене, искусный астролог, предсказавший смерть Генриха Гиза, падение Лиги, взятие Кале, войну с Савойей и убиение Генри– ха IV, возвестил Габриэли, что она никогда не будет королевой. Приняв за правило в наших исторических трудах, что все предсказания грядущих событий астрологами, некромантами, каббалистами и т. п. записаны в летописи после событий, мы не придаем ни малейшего значения этим прорицаниям. Искуснейшие гадатели во все времена на задаваемые вопросы отвечали обыкновенно: ни да, ни нет, либо: может быть, да, может быть, нет, и, таким образом, конечно, били наверняка.

17

Сообщая о своей покупке государственному контролю, Генрих IV выражается хотя и не совсем деликатно, зато совершенно справедливо: «Сие сберегает нам значительные расходы». Не то ли самое говорят и расчетливые вдовцы, даря вторым женам драгоценности своих первых жен?..

епископ Меца, впоследствии герцог Вернейль, умер в 1682 году.

19

Маршал Бирон был казнен 31 июля 1602 года, но с его смертью не пресеклись нити его заговора, искусно сплетенного и продолжаемого стариком д’Антрагом и его сыном графом Овернским.

20

Побочный сын Маргариты Наваррской.

21

Граф Овернский, храбрый в подпольных заговорах, на суде выказал самое подлое малодушие, обвиняя и уличая сообщников, даже наговаривая на них, униженно умоляя короля пощадить ему за это его жалкую жизнь.

22

Вскоре старик д’Антраг был освобожден, но граф Овернский просидел в Бастилии двенадцать лет. Так говорит Л о к ю р (Amour de Henri IV. Paris, 1864, p. 369); по другим источникам, отец и брат маркизы были казнены 2 февраля 1605 года.

23

Tel maitre, tel valet. Пословица, равносильная нашей: «Каков поп, таков и приход».

24

Подробности первой встречи Генриха с Шарлоттой до того похожи на встречу Генриха II с Сарой Левистон, что мы подозреваем, не смешивают ли летописцы одного короля с другим.

25

Генриэтта 11 мая 1625 года выдана была за принца уэльского – впоследствии несчастного Карла I, короля английского.

26

В карете с Генрихом находились герцоги д'Эпернон и Монбазон; маршалы Ла Форс, Роклор, Лаварден; кроме того, ехали верхом Лианкур и маркиз де Миребо. Ни один из спутников не отклонил рокового удара, так как все они – более или менее – едва ли не были участниками заговора!

27

De Thou. Histoire de France, tome XIV.